

Тинатин Мжаванадзе

ЛЕТО, БАБУШКА И Я

Честная книга о любви
и о счастливом детстве

Тинатин Мжаванадзе
Лето, бабушка и я

«АСТ»

2012

Мжаванадзе Т.

Лето, бабушка и я / Т. Мжаванадзе — «АСТ», 2012

Эта книга – девятнадцать лет детства и юности одной девочки, главную роль в которых играла бабушка. Строгая, добрая и заботливая грузинская бабушка, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Книга соткана из отдельных невыдуманных историй из жизни: забавных, трогательных, щемящих и радостных. И пусть девочка выросла в итоге не совсем такой, какой хотела ее слепить бабушка, но зато уверенная в том, что самое важное в жизни – это большая любовь, безоглядная и всепоглощающая. Эта книга – дань признательности всем чудесным бабушкам, память о которых сжимает нам горло и заставляет скучать по ним даже когда мы сами становимся мамами и бабушками.

© Мжаванадзе Т., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Город Хозяйки дождей	5
Пролог-монолог	7
Почти похищение	10
Побег номер один – улица	12
Стрижка	16
Как меня укусила собака	19
Москва и муха це-це	22
Побег номер два – Шови, Индия-фильм	26
Мы – команда	30
Рача	32
Другие и я	36
Шрам на ноге	38
Грузинские похороны	41
Тейка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тинатин Мжаванадзе

Лето, бабушка и я

Город Хозяйки дождей

Из всех мест, вверенных ей по работе, Хозяйка дождей больше всего любит этот город. Высунувшись с крепкого домашнего облака, сложив круглые руки под обширной грудью, Хозяйка осматривает свои владения – вот он свернулся вокруг тихой бухты, на полуострове, похожем на ладонь в море.

Хозяйка дождей трудится здесь, не покладая рук – перелистывая прозрачную Книгу Всех Дожей, она пробует каждый раз новый рецепт: то легкий моросящий дождик, освежающий лакированные листья магнолий, то многодневный тягучий дождь, заливающий улицы бурлящими потоками, то ревуший ливень, разрывающий звонкие водосточные трубы.

Иногда на домашнее облачко возвращается супруг ее, Ветер, запахивая на лету плащ, и копыта его коня стучат по мостовой, опрокидывая бочки с водой. Вода выливается на город потоками, а бочки гремят по булыжникам, и люди прячутся в домах, прижимая к себе детей и выглядывая в закрытые окна в непроглядное небо. Не бойся, говорят они, это гроза, она скоро кончится, и завтра будет солнце.

Иногда смешливые дети Хозяйки дождей и Ветра, улучив минутку, поливают город из лейки, сияя прозрачными акварельными глазами, и солнце растерянно светит сквозь шелестящие струи, и над городом встает радуга.

Когда Ветер уезжает по делам, Хозяйка вспоминает свою молодость и нажимает кнопку «Дождь для влюбленных». Он льет грустными холодными слезами, отражая фонари, и влюбленные тоскуют и начинают писать стихи. А те, кому повезло найти ответную любовь, идут под этот дождь с большими черными зонтами и ходят, обнимаясь, потому что только уединившись можно понять, кто спасет тебя от холода.

Если Хозяйка не в настроении, она откручивает вентили до предела и идет спать, не считая, сколько ведер и даже бочек воды уйдет в этот раз, и люди смотрят в небо и собираются друг к другу в гости. Покупают по дороге горячий хлеб, завернутый во вчерашнюю газету, прячут его за пазуху и шлепают по лужам, зная, что белье не высохнет, машина все равно грязная, постель сырая, и лучший способ пережить многодневный дождь – собраться возле печки всем вместе и разговаривать о пустяках. На печке жарят кофе в зернах, а потом мелют его в тяжелых ручных мельницах, и этот запах вперемешку с чесноком долетает до спящей Хозяйки дождей, и она вздыхает и переворачивается на другой бок.

Вдоль пустой улицы, похожей на венецианский канал, обязательно бредет одинокий путник, с поднятым воротником и мокрой головой, засунув руки в карманы. И какой-нибудь ребенок обязательно следит за ним из-за кружевной занавески, стоя в теплом доме на подоконнике, и его безмятежная душа вдруг впервые издаст звук осени, отозвавшись на грусть одинокого путника посреди мокрого города, и ему откроется красота свинцового неба, серых гор в дымке и неприветливых волн, источающих запахи йода и нефти.

И когда Хозяйка дождей, спохватившись, забегает по облачку, перекрывая вентили, и подсчитывая убытки, и подзывая Ветер для разгона облаков и подсушивания промокшего насквозь города, то окажется, что в нем уже необратимо родился еще один поэт. Он будет писать стихи, рисовать или петь, неважно – именно в дождь происходит это рождение.

Ничего-ничего, ворчит Хозяйка, зато тут все растет, как нигде – смотрите, сколько зелени! Солнце выпаривает влагу, та напитывает воздух, и растения буйствуют, раздуваясь как дрожжевое тесто.

Даже в самых укромных уголках – на крышах, на стенах, заборах, в каменных нишах – нет-нет да и проклюнется отважное крошечное деревце, а уж мхом покрыты все-все старые камни.

Летом Хозяйке работы поменьше – ей хочется лучше рассмотреть небо цвета медного купороса, море цвета собственных глаз, зеленые заросли и белые дома, и вскоре солнце высушивает город до того, что люди устремляют вверх блуждающие взгляды и просят прохлады. И тогда Хозяйка ставит на край облачка много-много ведер и кивает детям, и те с визгом выливают на город теплую воду, от которой шипит асфальт и пахнет мокрыми зонтами и псиной. Молодые девушки берут в руки босоножки и шлепают прямо по воде, запрокидывая головы, а молодые люди сидят под навесами и одобрительно свистят им вслед.

В этом городе, который называется Батуми, я и родилась.

У меня есть мама, папа, брат, сестра. Еще есть дядя, тетя, двоюродные брат и сестра – это самые близкие; и еще есть целая толпа разных дядей и тетей подальше, у них, в свою очередь, есть дети, очень много, они мне все приходятся родней, причем как с папиной, так и с маминой стороны. Но это не главное.

Главное – у меня есть бабушка. Правда, есть дети, у кого и бабушек две, и еще дедушки есть, а у меня – ни одного родного дедушки в живых, родные умерли до моего появления, а двоюродных так много, что они за дедушек и не считаются.

Так вот, бабушка у меня одна-единственная, но именно такая, какая и должна быть у человека. Не всем настолько везет – так уж вышло, что именно мне досталась самая главная бабушка в мире. Это не просто так, я ведь тоже – самый главный ребенок в мире, все взаимосвязано и закономерно.

Я долго думала, что мою бабушку зовут Дидэда. Оказалось, что это означает – «большая мама», а зовут ее – Фати. Я ее называю – дидэ.

Очень сочувствую бедным детям, которых растят одни лишь мамы и папы. Очень. Они представления не имеют о том, что такое настоящее воспитание.

Пролог-монолог

– ...Поселимся где-нибудь на новом месте, дом какой-нибудь развалюха или квартирka чужая съемная, я как огонь – все вылижу, чистоту наведу, занавески повешу, всему свое место определю, начинаем жить.

Думаю – надолго ли? Мне же гнезда своего хотелось, я и огородик тут же разводила, у меня в мечтах все свое, и свежее, и вкусное, и денег зря не тратим – где у нас было лишнее, и только мне урожай собирать время пришло – как солнце мое является, командует: собирайся, жена, на новое место перевели!

Жалко было до слез. Опять все пособираю, в узлы завяжу, все наши пожитки на «полоторатонку» закинут, и детей туда же, едем на новое место.

Один раз я попросила: все равно же ты дома не бываешь днем почти никогда, давай ты нас оставишь на одном месте, я тут буду с детьми одна управляться, мне это в радость, а ты работай себе и приезжай нас проводить. Да ты что, – взвился тут же. Как я без вас?! Если я вечером не приду, свою красавицу не увижу и детей не перецелую, зачем мне эта жизнь вообще?

Ну, а мне что делать – опять на новом месте разгружаюсь, дом перемою, все разложу и опять иду огородик разводить.

Один раз привел он ко мне важного гостя, ученого, у нас часто гости были, солнце мое любил народ, застолье, хлебосольный был хозяин, но тут человек пришел особенный. Я такой стол накрыла! Они весь вечер какие-то книги, альбомы рассматривали – это Вавилов был, потом сказал мне, великий человек. Его тоже потом арестовали.

А дед твой на второй день принес большую коробку – это тебе, мол, красавица моя, за то, что такая ты у меня хорошая женушка и прославила меня! Открываю – а там пудры, помады, бусы, духи! Вот на фотографии я в этих бусах. У кого еще такой муж был?

Потом вот это случилось, жизнь моя рухнула, осталась я в двадцать семь лет вдова – не вдова, как прокаженная, и в таком страхе, что и меня заберут. Собрала котомку, в ней все на случай ареста. Они же ночами приходили, вот я и ждала ночью, спать не могла. Ушел мой сон. Дети ничего не понимали, и я думала – что мне с ними делать? Кому их оставить? Спасибо деверю, он мне сказал: не бойся, Фати, мы детей, если что, заберем и вырастим, но ты крепкая женщина, ты все сможешь.

Я перестала бояться всякой ерунды. Ломала себе руки, язык хотела вырвать – как мы хорошо жили, как я смела жаловаться! Ну и что, каждый раз на новом месте, ну и что? Солнце мое, без него от меня меньше половины осталось. А мне надо было детей на ноги ставить. Без отца – всякий мог в них пальцем ткнуть и сказать, что мать не справилась. А я верила, что он вернется – десять лет много, но можно же выдержать, не то что можно, по-другому нельзя!

Что – голод? Что – бедность? Если у человека есть руки-ноги и голова, как он может голодать? Я днем работала швеей в артели. А по ночам ездила рисовое поле обрабатывать.

И твоя мама – она же старшая – братьев уложит, а сама выходит на балкон и молится, моя девочка: пусть с мамой ничего не случится.

Смотри, ты когда матерью станешь, рожай до тех пор, пока девочку не родишь! Сыновья – счастье, а дочь – это ангел. Для женщины спасение – только в дочери. Это ты сейчас не поймешь, а когда станешь большая, молись, чтобы тебе Бог дочь подарил.

Я возвращалась убитая, засыпала, как бревно, а твоя мама вставала, убирала нашу комнату – что там было убирать! Мыла пол, осторожно кровати двигала, чтобы мы не проснулись. Утром встаем – а дом блесит. Господи, как я могла еще ее наказывать за что-то! Но я боялась.

Вот голода не боялась, на улице остаться не боялась, а бесчестия – как огня. Что я за детьми не услезу, они по дурной дороге пойдут – только не это, Господи, только не это! Ведь на

них и так в школе косо смотрели. Дети троцкиста – это клеймо. Но мои золотые все понимали и изо всех сил старались быть лучше всех. Особенно твоя мама.

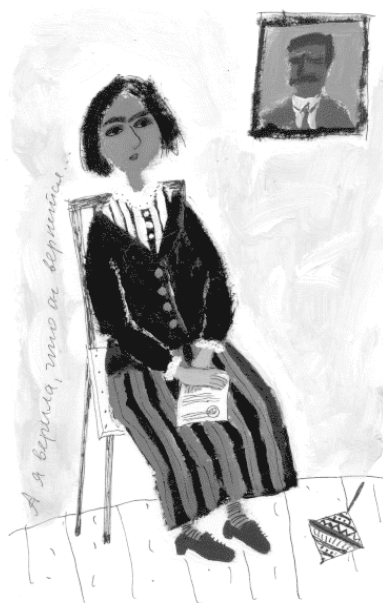
Неужели это я, темная деревенская баба, ее родила?! Она-то уж точно ничего не боялась. Чего она только не знала, чего не умела! Да она и сейчас такая – лучше дочери ни у кого нет в мире, и никто меня не переубедит. Она меня так берегла, все плохие новости утаивала.

Когда ее отец умер в ссылке, ее вызвали в КГБ, а она уже почти взрослая, четырнадцать лет. Пришла в кабинет, почувствовала, что все не так, как обычно. Эти люди все-таки были не совсем звери, видят, что девочка – сталь, прямая как стрела, а все же об отце речь, и надо ей нанести удар.

Объяснили, что отец скончался от болезни. Она оттуда ушла и мне не сказала. Так и держала в себе долго, а потом как-то от других людей весть пришла. Я и не верила никогда до конца, что он умер. Может, думаю, ошибка, перепутали, а он возьмет и вернется.

Или когда у нее был туберкулез – знаешь это? Я детей всегда хорошо кормила, одевать не могла, а кормить – получше тех, что с отцами жили. Да все-таки, наверное, столько переживаний ребенку выпало, она и заболела.

Она зашла в кабинет без меня, строго сказала: мама, ты тут посиди, а врачу говорит – если у вас есть мать или нету – но была же? Ради нее не пишите диагноз. Вы мне скажите, что делать, я вылечусь.

Врач глаза вылупила: вы что, говорит, как можно?! Не имею права! А девочка моя ей: хотите, на колени встану? Мама за дверью сидит, если она услышит про туберкулез, она там же умрет, я знаю. Ничего вам не будет, поверьте. Напишите что-нибудь нестрашное, а мне отдельно – что надо делать, чтобы вылечиться.

Не знаю, как, но врач поддалась. И представь себе – вылечилась твоя мама! А мне сказала уже много лет спустя. Я, конечно, переживала, но уже не так было страшно.

Отец ее любил особенно. Старшая, девочка – это понятно, но он говорил, что она больше всех на него похожа. Он же был очень музыкальный – играл на гитаре и таскал меня на танцы. Меня! Ну, а я что – куда муж поведет, туда и иду. Откладывал деньги на пианино дочке. Она

же потом на всех инструментах играла в школьном оркестре, а пианино там так и не было. Твоя мама хотела, чтобы у нее дети играли и чтобы сделать домашний оркестр. Никто из вас не сгодился на это дело.

А вообще он был такой отец – если, не дай бог, увидит, что я детей наказываю, – гром гремел и молния разила! А что мне было делать? Одно я знаю точно: кто ребенка щадит, тот губит его. Древние говорили – возьми ребенка в кулак, все, что торчит по сторонам, отсеки, а что у тебя в руке осталось, то и воспитывай. И права ведь оказалась. Конечно, при отце они были бы другие. Лучше ли, хуже, не знаю, но – другие. Я что смогла, то и сделала. Наверное, при отце они выросли бы счастливее. А у меня цель: чтобы они были живы, здоровы и с добрым именем. Что хотела, того и добилась. Не до конца, правда...

Потом, когда они выросли, мне стало полегче. И войну пережили, и все стало понемногу налаживаться, и институты закончили, и семьями обзавелись, и дети у них пошли, дети! – я уж думала, сейчас немного передохну. Что? Детей растить – разве это труд? Это радость. Что вы понимаете в жизни? Когда у тебя есть крыша над головой, никто ночью за тобой не придет и не арестует, руки-ноги на месте – на что тут можно жаловаться?

Ты вот Пушкина читала? Сказку про старуху? Ну, про золотую рыбку, да, но она там не главная. Есть такие женщины, это он точно написал. Хоть кучу навали из золота – им все мало! Никогда не бывают довольны ничем. Врагу моему такую жену, и за девять гор от нас такое несчастье. И тебе мой завет: никогда не жалуйся! Чтобы я не слышала от тебя нытья – у меня этого нет, у меня того нет! У тебя всё есть! Всё. Нельзя Бога гневить. Каждое утро встаешь – первое слово скажи благодарности. А кто говорит – у меня нету, так у него и не будет ничего.

И у меня всё есть. Только младшего мальчика уже нет... Я думала, кончилась моя жизнь. И тут опять твоя мама меня спасла, тебя родила. Знаешь, как переживала? В сорок лет уже никто не рождает – стыдно, что люди скажут, вот – старая, уже дети почти взрослые, а она еще в молодые метит. У нас соседка была русская, в моем дворе, она так говорила: Бог даст ребенка, даст и на ребенка. Как сказано, а? Ничего лишнего.

А еще докторша была – фамилия такая сложная, никак не запомню. Мама твоя небось помнит, она же умница. Спроси ее потом. Твоя мама волнуется, спрашивает – доктор, я же лекарства принимала от нервов, и старая вроде, не будет ли у ребенка проблем? А докторша посмотрела и говорит – никто не знает, что там с детьми происходит. Мой вам совет – рожайте, вам это всем нужно сейчас. Ну, вот и родила твоя мама и дала мне – это, говорит, тебе, расти, как хочешь, а мне работать надо.

Силком меня вытащила из тьмы. Так что если я не жалуюсь, что вы можете сказать, попробуйте только рожи скривить! Ты, когда вырастешь, что сделаешь? Правильно, поступишь в медицинский в Ленинграде, купишь мне очки в золотой оправе, а потом родишь пятерых детей, да? Правильно, моя золотая. И кто твоих детей вырастит? Правильно, моя золотая. Если у вас все будет хорошо, я еще поживу. А потом умру, встречусь с твоим дедом, а он мне скажет: молодец ты, женушка моя, я на тебя не зря надеялся!

Что значит – не умрешь? Все умрем. Ты же придешь на мою могилу поплакать? Я все услышу и порадуюсь. Ну, хватит тебе, шучу я, прости, шутки у меня так себе.

Хоть бы еще десять лет пожить. А? Не очень много, как думаешь? Ну, тебе-то все мало. И мне мало. А у Бога свои счеты. Я у Него все-таки попрошу, Он мне, может, не откажет.

Господи, еще десять лет. Я ведь здесь еще нужна, нет? Десять. А если силы дашь еще домик свой построить – или это уже чересчур? Там же земля моим детям от отца осталась. Хоть бы раз на ней в своем доме переночевать. Если много прошу – ладно, пусть будет только десять лет. Или – сколько дашь. Аминь.

Почти похищение

На изящной бульварной скамейке посреди ровных аллей с кубическими кустами благородного лавра худощавая немолодая женщина, одетая в строгий английский костюм и черные бархатные туфли, наблюдает за лохматой девочкой. Это моя бабушка и я.

Она держит наготове накрахмаленный платочек, чтобы вовремя утереть любое неподобающее нарушение аккуратности. Я бегаю по очерченному ее взглядом квадрату: шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте. Выдираю с газона траву, собираю шишечки криптомерий, раскладываю на асфальте камушки, приношу все эти трофеи бабушке и встречаю ее безмерную благодарность. Как тут не захотеть подарить ей еще чего-нибудь хорошего?!

Неподалеку стоит затейливая чугунная урна, я бочком подбираюсь к ней, однако от бабушки не ускользает ни малейшее поползновение:

– Вот только мусора тебе не хватало!

Я набычиваюсь и продолжаю движение.

– Отойди, кому говорю.

– Ммм! – возмущенно мычу я. Любопытно же.

– Настоящая Ясама Упрямецва! Это ведь твое настоящее имя? – сдается бабушка. – Только не трогай, я тебя подниму. На, смотри, довольна теперь?

Я на весу заглядываю в урну, вижу размокшие бычки, листья и хвою.

– Ммммм, – требую поставить меня на землю: теперь можно заняться другими делами.

В такую рань здесь народу немного, изредка прошаркает задумчивый пенсионер, глянет сквозь роговые очки на копошение в кустах, кивнет бабушке да и продолжит бесцельную прогулку, заложив руки за спину.

– И не скучно одному ходить? – вполголоса делится со мной бабушка. – Взял бы ребенка прогуляться – небось не ходил бы такой смурной.

Для бабушки и для меня совершенно очевидно, что у всякого дедушки в доме должны быть внуки, иначе ему от бесполезности житья вообще незачем высовывать нос на люди.

Другие скамейки расположены на приличествующем уединению расстоянии и все заполнены комплектами взрослых и детей, у кого мамы, у кого няни, у кого бабушки. Я уверена, что самая правильная комплектация там, где бабушки.

– Это ваша внучка? – восклицает неизвестная прохожая.

Бабушка острыми глазами оценивает любопытную и иронически вежливо кивает.

– Небось не дочка, – намекает она на свой очевидный статус.

– Боже мой, какая девочка хорошая! – сюсюкает со мной незнакомка. Тоже мне новость – конечно, хорошая, и я благосклонно протягиваю тете круглые шершавые шишечки.

– Подарила мне шарики, – растрогалась тетя, чуть не плачет от умиления, ей, наверное, в жизни ничего не дарили. Чтобы она продолжала радоваться, я рву листья с кубического куста благородного лавра и даю ей целую охапку.

– Нельзя почем зря рвать листья, сейчас как придет директор и арестует нас, – сурово предупреждает бабушка.

– А мы спрячем! Спрячем листики, да, моя хорошая? – разливается тетечка и берет меня за руку. – А ты видела там лебедей? Они в пруду плавают, черные, представляешь? А клювики у них красные! Сходим, посмотрим?

Я зачарованно слушаю тетю и иду за ней, как заговоренная. Листики осыпаются за ненадобностью на асфальт.

– Далеко не ходите, – тревожно вставляет бабушка.

– Да мы тихонечко, тихонечко, только до того поворота и обратно, за полминуты вернемся, да? Скажи бабушке – погуляем и придем, – успокаивает ее тетя, и я в восторге от неожиданной новизны готова шагать с ней куда угодно.

Бабушка в смятении – вроде нет причин отказать такой милой женщине, но отпускать ребенка бог знает с кем – да тут уже не до хороших манер! Но она, скрепя сердце, соглашается, чтобы не выглядеть полоумной – в конце концов утро, полно народу и только до поворота.

– А мы сейчас лебедей кормить будем, булочка у меня есть, – воркует тетечка, и мы резво шагаем до поворота.

Бабушка следит в оба и видит, что парочка исчезла. Ждет, терпеливо считая секунды. Отсчитала шестьдесят – никого не видно.

Господи, так и знала!

Она взвилась и побежала.

Поворот на пруд с лебедями – никого нет!

– Ах, я проклятая дура, – шептала в отчаянии бабушка, – как я могла, чтобы мне завтрашнего утра не видеть! Своими руками ребенка отдала...

И бабушка помчалась галопом в своих бархатных туфлях, вызывая изумление замедленных утренней негой отдыхающих.

– Вы тут женщину с ребенком не видели? – держась за сердце, на ходу прокричала бабушка старичку с собакой. – Девочка такая маленькая, с золотыми волосами!

Старичок мгновенно понял и махнул в сторону улицы.

Неожиданная для женщины весьма солидного возраста прыть позволила бабушке перехватить коварную тетку аж на улице Шаумяна. Без лишних слов она вырвала меня из чужих рук, прижала к себе и, еле переводя дыхание, специальным страшным голосом сказала:

– Куда ты от меня надеялась скрыться, глаза бы тебе выпарапать, да ребенка не хочу пугать! Чтоб я тебя не видела, сгинь, нечисть!

Тетка растерянно залепетала: мы, мол, только прогуляться, – но бабушка решительно развернулась и пошла назад.

– Что ты за ребенок такой, а? Что за ребенок, а?! – приговаривает она, и я чувствую, как часто-часто бьется ее сердце прямо мне в бок. – Тебя кто ни поманит – со всеми пойдешь! Своих-чужих не различаешь? А вроде умная!

Мы присаживаемся опять на нашу скамейку, бабушка пристально смотрит на меня, я на нее.

– Иди ко мне, и чтобы ни на шаг. Понятно тебе?

Мне непонятно, и я обхватываю бабушкину шею во всю мощь годовалых сил.

– Сердце моего сердца, – полузадушенно говорит бабушка. – Не даешь старухе расслабиться. Что же теперь, глаз с тебя не спускать? Привязать к себе за ногу?

С моря дует нежный ветер, мы снимаемся с якоря и идем в сторону розовых аллей – там струится густой запах роз, и очень удобно прятаться под любым колючим кустом.

Бабушка совершенно, абсолютно, стопроцентно права: глаз спускать нельзя ни на мгновение.

Побег номер один – улица

– Ма-а-а-а-ам, вы что там, оглохли?! Он меня сейчас задушит, заду-у-у-уши-и-и-ит! А-а-а-а, уйди!!!

Мне полтора года, я стою возле стеклянной двери, подпрыгиваю и повизгиваю: мои старшие брат с сестрой опять дерутся, и, насколько я вижу, брат побеждает. Сестра бьет в воздухе ногами, пытаюсь отодрать его руки от горла.

Они дерутся почти каждый день, вроде бы понарошку, но я каждый раз ужасно переживаю и вмешиваюсь. Что за дурацкие игры?!

Я бегу на вторую половину дома, к маме и бабушке, рассказываю им, что творится – но слова мне пока не поддаются, освоена буквально пара штук, но мама с бабушкой ничего не понимают! Взрослые не разделяют моего волнения и задумчиво продолжают растягивать, сбрызгивать и складывать в тугие рулончики крахмальное белье. Если бы не срочное дело спасения сестры, я бы побегала под растянутыми парусами прохладных пододеяльников – но сейчас вся надежда на меня, побегаю в другой раз.

– Что, моя птичка маленькая, что ты растрещалась? – говорит мама, не переводя на меня взгляда. – Проголодалась, наверное. Сейчас закончим и придем тебя кормить.

– А что она будет есть, кстати? – встревает бабушка. – Молоком утром опять плевалась, что за ребенок...

Помощи от этих непонятливых женщин не дождешься, шлепаю обратно к месту сражения.

Стекло начинается ровно от моего носа, тянусь вверх, елозя носом по стеклу, дышу на него и рисую на запотевшей поверхности пальцем червячков, хлопаю ладонями и громко говорю «а-а-а-а-а-а-а-а-а», но драка даже не думает на меня смотреть: сестра пустила в ход ногти.

Никто меня не слышит и не видит, все заняты своими скучными делами!

Мне становится непривычно грустно. Никем не замеченная, бросаю спасательные работы и бреду на нейтральную территорию.

В прихожей солнце просунуло руки в окно, на полу – жаркий квадрат, мои босые ноги испачканы пылью еще с утра на балконе, пока я собирала урожай листьев алоэ. За алоэ я уже получила пару шлепков и внушение, что это – есть нельзя, хотя я и сама убедилась, что листья, такие обманчиво аппетитные, горше даже, чем йод, который я тоже на днях пробовала на вкус.

Длинная майка закрывает меня до колен, допустим – это платье. Волосы бабушка забрала в резинку на макушке – сказала, днем жарко, чтобы шейка не взмокла. Словом, я вполне хорошо одета для выхода в свет.

Входная дверь поддалась – это удивительно! Никогда не оставалась с ней, незапертой, один на один, мама каждый раз кричит: проверили, дверь заперта? А вот и не проверили! Вот так вам, не хотели меня вести гулять, а я вас перехитрила. Дверь отворяется бесшумно, я переступаю через порог, и ножкам становится прохладно – после нагретого солнцем пола прихожей.

– Ты где? Далеко не уходи, сейчас будешь мед с маслом есть, ты же любишь мед с маслом? – слышится глуховатый мамин голос из-за двери.

Ага, люблю, прямо обожаю. Сами ешьте эту гадость.

Захотелось по-маленькому, но возвращаться из-за такого пустяка домой? Ни за что! Они меня застукают, схватят, поднимут на руки и начнут тискать, и никуда потом не улизнешь – такой удобный момент может никогда не повториться. Присаживаюсь возле двери и делаю отличную лужицу. Все, теперь я совершенно свободна!

Ступеньки очень неудобные – так далеко одна от другой, что приходится держаться за железные прутья перил, чтобы спустить одну ногу, сесть чуть ли не в шпагат и подтянуть другую.

Вот тут живет соседка Натэла, моя сестра вымазала ее сыну глаза перцем, он орал во дворе как деревенский бычок, засунув голову под кран, и мамаша приходила к нам ругаться, а бабушка сказала: стыд какой, мальчик побежал к маме на девочку жаловаться!

Этажом ниже живет Шура, у нее тоже есть маленькая девочка вроде меня, но она такая плакса, что с ней и не поиграешь толком.

Ниже – самая темная часть лестницы и опасная дыра возле стены – бабушка всегда меня отодвигает оттуда и крепко берет за руку. Наконец я могу посмотреть – что там за дыра такая? Осторожно наклоняюсь – а ничего особенного, сначала паутина с блестящими мухами, потом кусок нижней площадки.

Пока дошла до железной печки, ужасно устала, но отдыхать некогда – дома совершенно не умеют жить без меня, и сейчас они начнут бегать и искать: где ребенок, где ребенок?! Немного ковыряюсь в круглом отверстии – так, для полного удовлетворения неисполненных желаний, нашариваю рукой пустые пачки от сигарет и пару шикарных бычков. Зажав в руке добычу, двигаюсь дальше.

Перила кончились – осталось пройти последний участок ступенек, а перил уже нет, только стенки. Может, стоит уцепиться за Шурину коляску? Неудачная мысль: коляска поехала вниз и чуть не уволокла меня за собой. Она вылетела в ослепительный, наполненный солнцем проем и исчезла.

Слышу сверху неясные тревожные крики. Скорей, скорей, если коляска смогла улизнуть, чем я хуже? Последнее препятствие – высокий порожек, ничего же не сделают для удобства человека – и вот она, улица!

Она падает на меня, как пробуждение, как ледяная вода речки, как радуга в летний дождь.

Высокие люди в ярких одеждах плывут мимо и сверху смотрят на меня, улыбаясь, а в ушах – гул, свист, сигналы машин, молотки, музыка из окон, постукивание и шарканье туфель, ботинок, сабо и резиновых шлепок.

– Чей ребенок? – раздался голос прямо над головой. – Вроде не цыганская. Из окна, что ли, выпала? Ты говорить умеешь? Кто из дома голых детей выпускает, совсем с ума сошли?

– Я не голая, а в платье, – пытаюсь объясниться, но от злости слова запутываются в языке, и выходит клокотание. Несколько неизвестных вокруг меня восторженно смеются.

– Гляди, какая смешная, себе, что ли, забрать? Ни рожать, ни растить – готовый ребенок! В этот момент я взрываюсь вверх и оказываюсь нос к носу с бабушкой.

– Отец Небесный, да будет Твое имя благословенно, что я такого сделала, что этот ребенок отравляет мою старость – мало я страдала в жизни?! Ох, сердце, дышать не могу. Что у тебя в руке?! Фух, фух, разожми пальцы – вот гадость!

Публика довольна финалом – ребенок пристроен, можно будет вечером рассказать про забавный случай. Чего только не увидишь в нашем городе!

Мама стоит в подъезде – прижав руки к груди, лицо страдающее.

– Я ее сейчас растерзаю!

Бабушка подбрасывает меня, чтобы держать удобнее, и поднимается по лестнице.

– Руки убери – еще мне тут будешь ребенка наказывать, только попробуй! Кто дверь не запер?! Лучше Шурина коляску прикати обратно, а то еще платить за нее придется.

– Как она не упала в дыру?! – восклицает мама, удаляясь на улицу. – Как не свалилась вслед за коляской?! А если бы вышла на проезжую часть?! Голова кругом от нее, Господи, Господи, сохрани нас от беды...

– Куда ты намылилась, интересно, не скажешь? – спрашивает бабушка. Я цепляюсь руками за ее шею – она влажная, щека ходит возле моих глаз вверх-вниз. – Тебе один целый человек нужен в надзиратели – и чтоб больше ничем не заниматься. Вот все бросьте и следите за мной, да?

– Капки, – убежденно отвечаю я.

– У тебя что ни спроси – все «капки»: самолет, огурец, гулять – все «капки»!

Бабушка ставит меня в тазик и моет холодной водой, я поджимаю ножки и повисаю на бабушкиной шее.

– Вот так тебе, так тебе, может, остынешь немного, встань, кому говорю! Следите за ней в оба, – командует бабушка брату и сестре и уходит за свежей майкой: те стоят с красными ушами и всхлипывают. Наконец-то они в моем распоряжении!

– Вот дурная, – возмущенно бурчит брат, намекая на сестру. – Это она виновата, что мы ребенка упустили!

– Язык вырву и в руку дам, еще раз вы друг друга обзовете! Сто раз вам сказано: плохое слово – отраву души, Сулхан-Саба¹ притчу в школе не учили? Ножевая рана заживет, а рана от злого слова – никогда.

– А ты что все время нас проклинаешь? – ехидничает брат.

– Ты чем слушаешь? – Бабушка вытирает меня полотенцем на тахте, я безмятежно задирю ноги к потолку и замечаю баночку с тушью на полке: надо бы ею заняться в ближайшее время. – Всегда добавляю: вашему врагу, вашему врагу.

– Ох, какой я несчастный, – тяжело вздыхает брат, – в доме одни девчонки. У Бахвы брат есть, Мераб. Мама не может мне брата родить?

---

¹ Сулхан-Саба Орбелиани – грузинский писатель и дипломат, здесь упоминается его притча «Раненый языком» из книги «Мудрость вымысла»: крестьянин знакомится с медведем и зовет его к себе домой, жена крестьянина плохо принимает гостя и говорит о нем обидное, медведь уходит молча. Встретившись снова с крестьянином в лесу, он просит приятеля ударить его топором по голове. Спустя долгое время крестьянин встречает медведя, и тот показывает: видишь, рана от топора зажила, а от злого слова – нет.

– Совсем хорошо! – сводит брови бабушка. – Разве можно говорить – «я несчастный»?!
Нельзя Бога обижать, говори – я счастливый, я умный, я хороший. Сам себе судьбу портишь!

– Ага, я говорила, что мама девочку родит, а ты не верил! – торжествует сестра, наигрывая мазурку на пианино. – Я выиграла!

Брат со значением длинно вздыхает и уходит в свою комнату, хлопнув дверью.

– Капки! – басом говорю я, чтобы все прекратили спорить.

Пока все умилялись, я наметила себе программу на день: надо проверить, какой звук издают выброшенные с балкона чайные ложки и стеклянная пробка от графина.

Стрижка

Бабушка нацепила кособокую соломенную шляпу и вздохнула:

– Кашу ты не ешь и молока не пьешь. Чем тебя кормить?

– Курицей, – так же строго ответила я и потянулась за папиным бритвенным прибором.

– Руки!.. Где я тебе курицу возьму, наседка только села яйца высиживать. Цыплятки вылупятся, выкормлю их, подрастут, только к осени их резать можно.

– Зарежь наседку, – спокойно подсказываю я непонятливой бабушке. Она смотрит ошарашенно:

– Ну, волчья порода!

И смеется, как только она умеет: гудит с поджатыми губами, и плечи трясутся.

– Ладно, поищу в гнезде, может, свежих яиц снесли. А ты сиди тут и ничего не трогай!

Если выйдешь во двор – цыгане унесут.

Что такое «цыгане», я не знаю, но слышу про них довольно часто: если залезаю с грязными ногами на диван, то «цыганский ребенок!», если накручиваю на себя цветные тряпки – «цыганская красotka!».

– А зачем они меня унесут? – озабоченно спрашиваю, попутно пробуя стянуть спички.

– Руки!.. Как зачем – им тоже такой ребенок нужен, волосы смотри какие – золотые, колечками. Ты моя русалочка!

Еще она запретила трогать нож, коробку для шитья, класть в рот пуговицы и лобio², и вообще – можно только взять кастрюлю и варить в ней суп – воображаемый.

Я сижу на полу и с недоумением взираю на пустую кастрюлю – из чего варить, из воздуха? Может, все-таки быстро выбежать во двор, и набрать песка из большой кучи, и травы надрать? Я стучу ложкой по кастрюле, она гулко возмущается – отличное решение, но собака Найда проснулась и неодобрительно заскулила.

Тогда я надеваю кастрюлю на голову и подбегаю глядеть в шкафовое зеркало. Она лезет на глаза и мешает смотреть, сдвигаю ее назад – падает и с отменным звоном катится по полу. После того как она умолкает, тишина совсем звенящая.

Швейную машинку трогать тоже нельзя – там на игле висит недошитый халат. Что тут еще есть интересного? Ага, папина бритва и помазок давно меня зовут, но до них я еще доберусь – пока надо изучить шкаф!

Дверца со скрипом открывается. На полках – полотенца и белье. Они пахнут утюгом и купанием. А во что с ними поиграть – запеленать Джину? А потом бабушка будет ругаться, что все заново стирать. Тогда дергаю ручки шкафных ящиков.

А верхний-то не до конца задвинут! Тяну за круглую ручку изо всех сил – она скользит и вырывается, но ящик поддался, а там лежат огромные ножницы.

Ими бабушка режет на полу ткань, а потом шьет на машинке разные тряпочки. Ножницы тугие – я двумя руками еле их раздвигаю. Тряпочек не нашлось – только та, которой стол вытирают, она мокрая и пахнет мылом, неприятная. А что можно порезать? Халат? Хорошо бы мандариновые листья, но – ах, да – выходить нельзя. Раз бабушка сказала – цыгане, значит, могут и унести.

Снова иду к шкафу. Может, лучше вернуть ножницы обратно? Когда еще они попадут ко мне в руки! Подхожу к зеркалу близко-близко, дышу на него, оно запотеваает, пытаюсь его лизнуть. Прикладываю нос и широко открываю глаза. На меня смотрит сова! Немного пугаюсь и отступаю назад. Мои волосы забраны в резинку на самом темечке и оттуда торчат во все стороны.

---

² Здесь: не грузинское блюдо из фасоли, а сама фасоль.

Волосы! И цыганам не захочется меня уносить!

...Когда бабушка вернулась, под дверью валялись скомканные тетрадные листочки – с тревожно стукнувшим сердцем развернув один комочек, она увидела... волосы. Золотисто-русые кольца были и в остальных секретных пакетиках тоже!

У бабушки ослабели колени, а сердце забилося в ушах, пучок зелени выпал из рук. Перед глазами молниеносно предстал черный ужас: ребенка таки увели цыгане, а перед похищением отстригли волосы и оставили их как предупреждение – не искать!

– Господи, помоги! – взывала бабушка и ворвалась в дом.

Перед шкафом стояла целая и относительно невредимая я. Руки зачем-то завела за спину, а голова была точь-в-точь как у новорожденного детеныша шимпанзе, которого показывали недавно «В мире животных»: сиротский пух стоял на черепе дыбарем, а кое-где был выдран клоками.

Бабушка сморгнула, открыла рот и протерла глаза. Нет, не привиделось, голова у ребенка выглядит, как будто ее драли макаки.

– Чтоб я твоему врагу гроб поставила, чтобы он завтрашнего утра не увидел, чтобы я его землей засыпала, чтобы у твоего врага все волосы сами вылезли и глаза тоже!!! – заголосила бабушка в полном потрясении, не понимая, что думать об увиденном, и тут заметила за спиной ножницы.

– Ножницы! – удивленно сказала я и вытянула руку с инструментом вперед.

– Э... э... э-э-э-э... это ты сама себе сделала?! – Бабушка перешла в ту стадию потрясения, когда человеческий голос утрачивается, а остается сипение. Она стащила с головы шляпу и швырнула в угол. – А если бы... в глаз? А если бы ухо? А если бы побежала, упала и напоролась?! Слава тебе, Господи, что уцелела!!! Стой там, где стоишь, и не двигайся!

Бабушка осторожно подкралась и вынула из моей руки ножницы.

Потом посмотрела еще раз, села на табуретку и... захохотала. Хлопая ладонями по коленям и причитая: «Что нам с тобой делать, а?»

Я, напряженно ожидавшая взбучки, запрыгала.

– Ой, думала, уже никогда так не буду смеяться, – утерев слезы, сказала бабушка.

Вечером папа выбрил мне голову начисто новой бритвой. В голове шоркало и скребло, местами было больно. На порезы наклеили клочки салфеток.

– Красавица писаная, – хмыкнул папа. – У меня волос больше, чем у тебя! Полюбуйся иди, твоя мать нас убьет.

Я подбежала к зеркалу. Оттуда на меня смотрит оживший пластмассовый пупс – у меня есть такие маленькие.

– А теперь меня цыгане не унесут! – торжествующе заключаю я.

– Хазэика! Хазэика! – доносится резкий голос с улицы.

Бабушка выглядывает в окно.

– Милости просим! – машинально отвечает она – тут любому так говорят, прежде чем разберутся, кто и зачем.

– Дай старый адежка, хлеба, хазэика!

Я высовываю нос: у ворот стоит женщина, возле нее отирается мальчик.

– Цыгане, – вполголоса говорит бабушка. – Видела?

Я прячусь за бабушку, пока она передает женщине через ворота сверток.

– Дай тебе Бох здоровэ и твоему внучку тоже. Вши были, да?

Бабушка смотрит на меня и притворно вздыхает.

– Ага, и вши, и блохи.

Я пристально смотрю в ответ и удивляюсь, почему она врет.

– А зато тебя никто не сглазит! – подхватывает она меня на руки, и я счастливо улыбаюсь: как я удачно постригла волосы!

Как меня укусила собака

Я живу в раю.

Кругом – зеленые заросли, двор с горкой песка и щебня, отданной в мое полное распоряжение, цыплята с очень сердитой мамашей, собака, вечно в ссорах с соседскими, папа на работе и где-то рядом – бабушка в соломенной шляпе.

Дом – большущий, в нем одна комната, перегороденная оранжевыми занавесками, они на ощупь как длинные волосы.

В доме четыре стены, и в трех прорезаны окошки: одна стена выходит во двор – бабушка меня сажает туда во время кормежки, и я не упускаю из виду ни шороха, ни звука на нашем куске дороги.

Стена напротив выходит в сад, оттуда я наблюдаю, как бабушка что-то делает с грядками, а еще там стоит у стены папин рабочий стол с кучей прекраснейших инструментов, из которых особенно симпатичен рубанок – из-под него выползают аппетитные стружки. А напротив стены с входной дверью – четвертая стена с единственным окошком, из которого видно море.

Правда, его видно лишь тонкой линией посреди картинки, и его перечерчивают кипарисы у нижних соседей, а ближе к дому – кусок сада-огорода с лавровишней, которую я терпеть не могу, а бабушка все равно кормит и говорит, что она от сердца хороша.

По вечерам из этого окошка можно угадывать, какая завтра будет погода: если солнце заходит ярко-красное, значит, опять не будет дождя. Но чаще солнце заходит желтое, как яйца от наших наседок.

Папа говорит: опять у меня в ухе стреляет, значит, скоро дождь. А бабушка вполголоса: да у тебя каждый день в ухе стреляет, – и поглядывает на меня лукавыми глазами. А папа добавляет: если ему снится рыба, то дня через три дождь пойдет уж непременно.

Угадать с дождем в нашей деревне – плевое дело. Я люблю, когда ласточки низко летают и журчат, – почему почти все приметы к дождю, а не наоборот?

Каждые каникулы, каждые праздники, а также все выходные мы с бабушкой проводим в деревне, хотя в основном живем в городе. Мама работает в институте и частенько наезжает к нам, а папа вначале тоже так наезжал, но потом родители решили, что лучше ему жить постоянно в деревне – смотреть за домом и садом, курами и собакой, к тому же он быстро нашел работу бухгалтера. Деревня наша в полчасе езды от города, так что можно ездить туда-сюда хоть каждый день, но для меня это – путешествие с одной планеты на другую.

Дождь в деревне – мертвецкая скука, но у меня есть игрушечная швейная машинка, и бабушка приносит со двора мокрые блестящие листья, и я строчу из них платья кукле Джине.

Платья рвутся, как только попробуешь надеть их на куклу, бабушка собирает зеленые лохмотья, и бросает в печку, и говорит: подожди, сейчас я тебе одеяло простегаю.

На полу лежит гора шерсти – бабушка ее уже вымыла, высушила и выбила длинной палкой, а теперь на красном крашеном полу постелила большую ткань и стала ровно раскладывать на ней шерсть комьями.

Если дождь начинает гудеть слишком сильно, бабушка уговорами укладывает меня в кровать, я не люблю днем спать, а бабушка говорит: ну что за ребенок, полежи просто тихо хоть чуть-чуть. И я послушно лежу, а потом ресницы тянет вниз, и дождь по шиферной крыше стучит все глуше и ровнее.

Если утром прохладно, а на подорожниках роса – значит, днем жди жару.

Бабушка в жару меня далеко тоже не выпускает, но все равно есть чем заняться – посреди двора нагрелась вода в моем купальном тазике, и можно поплескаться и даже засунуть голову в воду целиком, пока бабушка не вытащит оттуда со страшными рассказами о глупых задохнувшихся детях.

Ближе к вечеру папа приходит с работы. Раз в неделю он берет меня с собой на ферму покупать молоко – он говорит, привезли херсонских коров. Они огромные, как слоны, гораздо больше местных, с радужными выпуклыми глазами, и в ушах стоит фырканье, мычанье и хруст челюстей. Нас там все знают, смуглая женщина наливает через марлю пенистое молоко и говорит: пей парное, красавица вырастешь!

Я молчу, потому что молоко ненавижу – ни парное, ни кипяченое, ни в каше, ни в какао. Но бабушка поставит из него мацони в маленьких баночках, наберет горсть земляники, и будет мне десерт – почти как мороженое.

Вечером папа ведет меня в гости по соседям – там куча детей и собак, женщины сидят с платками на головах и в фартуках, пьют кофе и слушают разговоры, сложив загорелые руки под грудью, мужчины играют в нарды и курят, а бычки бросают под ноги – все равно каждое утро хозяйки начинают с выметания двора и улицы большой метлой.

Бычки мне кажутся очень соблазнительными – я пробираюсь под деревянный стол, беру один сплюснутый и делаю вид, что курю – мне нравится повторять все, что делают мужчины.

Они вообще все делают такое интересное! У них лопаты, топоры, рубанки и особенно ружья, они водят машины, громко разговаривают и смеются, и еще они курят.

Женщины делают тоже много чего интересного, но их предметы – кастрюли, тазики и прищепки – можно взять в любое время, а мужские – недоступны, папа ружье даже потрогать не дает.

– Мурадович, посмотри, что твоя красавица делает!

Папа смотрит под стол и видит меня с бычком во рту.

– А ну-ка вылезай, – вытаскивает он меня оттуда и отнимает бычок. – Я в жизни ни одной папирсы не выкурил, а эта в кого пошла? Смотри, бабушка увидит – будешь все лето с курами играть.

Папа на меня никогда не сердится, называет – отрада старости.

Больше ничего интересного я не вижу – может, пойти домой? Хотя вон на крыльце спит большая хозяйская собака.

Я давно хочу с ней поиграть – она лохматая, как маленький мамонт, а у нашей Найды – шелковые гладкие волосы.

Иду к собаке и трогаю ее, она утробно рычит в полусне. Наверное, она так с детьми играет. Сажусь на собаку верхом, неожиданно та рывком вскакивает, опрокинув меня, утыкается носом в мой живот, и вдруг – ай, как больно!

Я кричу, все начинают шуметь и бегать, папа тащит меня на руках домой, бабушка причитает, и они мажут мне чем-то горячим живот.

– Ну что за ребенок, Господи, дай мне ее вырастить, ни одной такой у меня не было. – У бабушки слегка дрожат руки, и я понимаю, что я очень драгоценная. Бабушка и папа собираются везти меня в больницу.

Дальше было много дней очень интересно, потому что мы с бабушкой ходили в дальнюю дорогу до больницы и обратно.

– Укола не боишься? – поразился доктор. – Ты смотри, какая смелая, от иголок все дети орут!

– Ох, доктор, хоть вы ее напугайте, а то совсем ничего не боится, как родилась, покоя не знаю, – жалуется бабушка, но я думаю, что это она хвастается, потому что сама же недавно про меня сказала – «пятерых мальчиков стоит».

Я и сама это знаю.

Обратный путь утомляет, мы часто присаживаемся отдыхать в тени.

– Ба, возьми меня на ручки, – прошу я.

– Я тоже устала, ты меня потом понесешь? – хитро говорит бабушка.

Открываю глаза во всю ширь – я же маленькая, ну как я такую большую бабушку подниму, с ума, что ли, сошла. Но она обещает, что скоро будет вода.

Это самая холодная в мире вода из железного желобка, наверху шумят гигантские деревья с длинными листьями, они очень хорошо пахнут лекарством.

– Наберем эвкалиптов, я тебя в отваре выкупаю вечером, а то комары совсем ребенка закутали, – говорит бабушка.

Последний кусок дороги ведет мимо кладбища.

Я с интересом смотрю на камни с портретами и не понимаю, почему бабушка не разрешает их трогать.

Совсем скоро наш двор.

– Ну что, уходила бабушку? – встречает нас возле ворот соседка, чья собака меня укусила.

– Здравствуй, Сурие, – сдержанно отвечает бабушка. – Что ребенок может понимать? Куда взрослые смотрели, интересно.

– Мы-то ее привязали, но ваша сорвиголова все равно собак не боится, что значит – городской ребенок, – качает головой Сурие. – Ты в кого такая уродилась?

– Она теперь каждый день мне будет это говорить? – вполголоса ворчит бабушка и запирает ворота. – В кого уродилась! Да уж вам такая и не приснится!

Удивительно повезло моей семье, что я родилась именно у них.

У меня остались три крошечных белых шрамика на память о жизни в раю.

Москва и муха це-це

На меня надели темно-синий костюмчик. Шерстяной, кусачий. Я все время ерзаю и чешусь.

На костюме тонкие белые и красные полосы – по низу свитера и на рукавах.

– Как ей хорошо синее к золотым волосам! Красавица, русалочка!

– Твой глаз в твою жопу, – вполголоса бормочет бабушка, – никуда ребенка вывести нельзя, налетят как коршуны. Своих нарожайте и хвалите!

– Мама! – шепотом вскрикивает мама.

– Никто не слышал, что ты нервничаешь, – осаживает ее бабушка и прерывисто вздыхает. Я впервые в таком странном месте.

Очень много людей, очень шумно, все с большими чемоданами, и какая-то женщина квакает непонятное по радио, а люди хватают чемоданы и бегут – все в одном направлении.

Мы с мамой, папой и бабушкой стоим возле длинного железного домика. У него огромные колеса, которые сильно пахнут – как трактор в деревне у соседа Тамаза.

Старшие говорят о чем-то своем, я у папы на руках верчу головой – мне ужасно нравятся светящиеся буквы на стене.

Мы заходим внутрь домика – а там комнатки! Папа поставил меня на пол, я немедленно побежала, потому что устала без движения – ножки затекли.

– Стой, стой! Куда! Мама, как ты ее довезешь, не знаю, ей-богу!

Меня ловят на входе в одну из маленьких комнат – там темно, и сидят какие-то незнакомые люди.

– Наше купе вот тут, – говорит папа. Свет включается, я вижу диванчики с подушками и столик у окна. Папа сажает меня на один диванчик, а второй – о, чудо! – поднимает, а под ним – яма.

Мама и бабушка складывают в эту яму наши сумки и чемоданы. Диванчик снова захлопывается.

– Не вздумай пальчик туда засунуть, – предупреждает папа.

– Мы с бабушкой здесь будем жить? – догадываюсь я.

Старшие смеются – они каждый раз смеются, стоит мне сказать хоть слово. Наверное, я специальный человек, чтобы смешить других людей. Снисходительно похохатываю.

– Вот билеты, а деньги проверила? Шукри вас встретит, ничего не бойтесь. Лекарства вроде все взяли. Чай вам дадут, а где сумка с едой?

– Идите уже, – спохватывается бабушка.

Мама с папой целуют нас, выходят из комнатки. Бабушка снимает наконец с меня жаркий свитер, башка застревает, я отбиваюсь руками, падаю с диванчика, и башка вылетает вон! Какое облегчение!

Бабушка отодвигает занавеску на окне и – о, еще чудо! – мама с папой стоят уже там!

– Они не будут с нами жить? – тревожно спрашиваю я.

– Мы сейчас поедem, – успокаивает бабушка.

Как поедem? Это же дом, а не машина! Я ездила в машине. Она пахнет так противно, что меня сразу начинает мутить, и голова кружится, и я начинаю хныкать, машину часто останавливают, дают мне воды, моют лицо. Не люблю ездить в машине – если бы не деревня, вообще бы в нее не села никогда.

Но это не машина, водителя нет. Люди ходят взад-вперед по коридорчику, может, это самолет?

Вдруг домик качнулся. Мама и папа замахали так, будто собрались оторваться от асфальта и полететь. Я оглядываюсь на бабушку, она тоже машет, значит – опасаться нечего.

Мама и папа, и все это странное место со светящимися буквами, и квакающим радио – все поплыло вбок, и вскоре пропало, а вместо них, как в телевизоре, пошли другие картинки.

– Мы едем? – догадалась я.

– Едем, едем, чуку-чуку, – соглашается бабушка, вздыхает, как будто сбросила большой мешок, и обращается к Богу – это ее невидимый друг и собеседник, которого она постоянно о чем-то просит: – Отец Небесный, пусть наша дорога благополучно начнется и закончится, пусть мы с миром приедем, и пусть там, где нас ждут, все будут здоровы, и те, кого мы оставили, тоже будут здоровы. Аминь.

– Аминь, – повторяю я, потому что бабушка сказала – это слово должны сказать все, и тогда все сбудется.

– Бисмилла³, – говорит бабушка.

В окошке картинки побежали быстрее. Проплыли дома, потом улица с машинами и фонарями, потом появилась полоска моря.

– Это самолет? – уточняю я.

– Это поезд, – взволнованно отвечает бабушка. – Господи, как давно я никуда не ездила!

И так далеко!

– А куда мы едем? В деревню? К Найде? – озадаченно спрашиваю я.

– К твоему дяде, в Москву. Он по тебе очень скучает! И по мне тоже. – И на бабушкином лице морщины складываются в солнце.

Ехали мы целую вечность.

Сидеть в нашей комнатке скучно, поэтому, стоило бабушке выйти по какой-либо надобности, я прыгивала на пол и босиком бежала в соседние комнатки. Все счастливы меня видеть – это уж как обычно. Я садилась за стол, брала сушки и конфеты и рассказывала, что у меня

---

³ *Бисмилла* – произнесение формулы и сама формула «бисми-л-ляхи-р-рахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного»), с которой начинаются почти все суры Корана. В соответствии с многовековой традицией эта формула, которой придается магическое значение, произносится мусульманами во время молитвы перед началом любого дела. В обиходе неарабоязычные мусульмане нередко произносят лишь начальную часть формулы – «бисмилла».

есть собака Найда, у которой на ухе клещ, и она сильно плакала и мотала ушами, еще – что папа убил на охоте зайца, и его ели всей деревней!

Бабушка искала меня по всему вагону, проводницы искали вместе с ней, закатывая глаза. Найдя беглянку, она хватала меня и страшно извинялась, а люди смеялись и просили оставить.

– Тоже мне, нашли клоуна, – ворчала бабушка и слегка меня в сердцах встряхивала, я думала – это такая игра и реготала на весь вагон.

В поезде бабушка все время клевала носом: снизу стучало прямо в живот – дум-папа, дум-папа, и стук был ритмичный, а у меня в голове музыка складывалась на него сама собой. Я задирала ноги на мягкую стенку и во все горло распевала: «аааа-уууу-иииии»!

– Этот ребенок когда-нибудь спит? – хмуро спросил соседний пассажир.

– Чш-ш-ш, замолчи немедленно, нас скоро с этого поезда выкинут, всех довела до психоза, – зашипела бабушка. – Извините, ради бога, ей простора маловато.

Вскоре для меня нашелся компаньон.

Лысый дядечка с мешками под глазами очень много смеялся, любил поглазеть в окно и поговорить. Мы часами вместе смотрели картинки в окне, называли все их составные части и сочиняли песни.

– Поросята-поросята, а с ними – большая свинья-а-а-а! – распевали мы вдвоем, когда бабушка возникла на пороге.

– Дай вам Бог здоровья, – молитвенно сложила руки бабушка.

– Что вы! Такого попутчика найти – мне сказочно повезло! – смеялся дядечка, и я просила бабушку не мешать. Она приносила еду мне из нашего домика сюда, к новому другу, он тоже угощал меня конфетами, а когда я уставала и меня побеждал сон, дядечка нес меня на руках к бабушке, где она с очками на носу читала потрепанную книжку.

В Москве было много загадочного.

Например, на лестнице пряталась крошечная отдельная комнатка. Мой дядя выходил из квартиры, заходил в эту комнатку, потом нажимал на кнопку, и двери закрывались сами. Потом они снова открывались, а там уже никого не было!

Я страшно волновалась, прыгала на месте, но не уходила. Потом мои кузены заходили к комнатку, снова нажимали кнопку, исчезали за сердитыми дверями, и через некоторое время двери разъезжались, а там – стоял дядя с кучей газет в руке! А кузены исчезали!

– В твоём Батуми такое есть? Нету, – трепал меня дядя по кудрям и заводил обратно в квартиру.

Я очень возмущалась, когда нашей комнаткой пользовались соседи!

Кроме волшебной комнаты, была еще лестница – только не дома, а под землей. На ней ступеньки плыли, как река, глаза начинали разъезжаться в разные стороны, и надо было ухитриться попасть именно посреди ступеньки, а если между, то упадешь. Я бы каталась на этой лестнице целыми днями, но старшие поспешно меня уводили, и я мечтала убежать от них, чтобы никто не мешал изучить лестницу поближе.

Правда, людей там было столько, что немного отстанешь – и готово, тебя никто не увидит. Однако бабушка знала, с кем имеет дело, и цепко держала меня за запястье.

– Ты соображаешь – если тут потеряешься, мы тебя в жизни не найдем? Это – Москва! «Москва» звучало так угрожающе, что я немедленно поверила – да, потеряюсь.

Хотя потеряться навсегда – это интересно.

Тем более, что мою безмятежную жизнь отравляли кузены.

Они были большие – учились в школе.

Каждое утро уходили с портфелями, а по вечерам сидели за круглым столом, уткнувшись носами в книжки. Тетя ругала брата, что он лодырь, а на сестру, наоборот, не могла нарадоваться. Брат, и без того тощенький, гнулся к столу и частенько дезертировал с места мучений. Двоюродные меня за человека не считали, не играли со мной, гнали от стола прочь и не давали

тетрадки – порисовать. Поэтому я сидела в засаде за диваном, сопя в дырочки, и, стоило кузенам отлучиться, подбегала к столу, хватала ручку и быстро-быстро черкала в распахнутых беззащитных тетрадках.

– ЧТО ЭТОООО????!!!! – визг моей сестры сотрясал квартиру. – Я ее убью! Какого черта вы ее привезли на мою голову?

– Отлично! – радовался брат. – Скажу завтра в школе, что малолетняя мымра испортила мое домашнее задание!

Тетя и бабушка единым фронтом стояли насмерть, не давая отличнице меня убить. Я пряталась за их юбки и показывала язык.

– Вот, опять!!! – орала сестра. – Мне что, каждый раз переписывать все заново? А музыкой когда заниматься?

– Как тебе не стыдно – связываешься с крошечным ребенком! – выговаривала тетя, хотя было видно, что она тоже не прочь меня отметелить.

– С крошечным?! Муха це-це тоже крошечная, а запросто верблюда может в гроб загнать! Чтобы я ее рядом с собой не видела!!

– Муха це-це, – фыркал брат, – образованность свою хотят показать!

Я не подозревала о человеческой злопамятности и коварстве, поэтому легко попалась в ловушку: на следующий день кузены поманили меня конфетами за диван, и, сколько успели до включения пожарной сирены, всласть отгаскали за уши и волосы.

– Вот тебе, младшая, вот тебе! За мои тетрадки и нервы! – шипела сестра, откручивая мне ухо.

Сирена сработала на совесть: кузенов примерно наказали, а меня утешали всей семьей. Я всхлипывала, икала и торжествующе смотрела на незадачливых мстителей с бабушкиных безопасных колен.

С какой стати моей тете взбрело в голову искупать нас всех вместе? Могу лишь предположить, что, по ее мнению, общее купание должно было нас примирить. Не могла же она экономить горячую воду?!

В ванне мы пробултыхались ровно минуту, и тут мне захотелось в туалет. Сестры я боялась и не посмела позвать старших, поэтому совершенно закономерно пустила свои богатства плавать по водам.

Сирена в этот раз была нечеловеческой мощи: орала двое! Кузены выскочили из воды и самозабвенно разрабатывали легкие. Стены ванной раздулись, а вода превратилась в лед. Старшие на подламывающихся ногах вломились в комнату ужасов и...

Опустим завесу милосердия над картиной.

Должно быть, плавающая по волнам какашка сыграла роль в нашем примирении и братании: кузены, наконец, осознали, до какой степени я тупая. Или, может, коварная – не могу судить. Во всяком случае, память напоследок предлагает мне такую московскую картинку: мы стоим у окна, брат поддерживает меня на весу, чтобы я могла увидеть ночную улицу – на дворе Новый год, и всюду горят разноцветные лампочки невиданной красоты.

Побег номер два – Шови, Индия-фильм

Утро врывается в ноздри запахом нагретой на солнце сосновой смолы и мятной зубной пасты.

Оглядываю комнатку – двоюродные спят, завернувшись в тощие одеяла с головами, аж не дышат, а бабушки что-то не видно. Ну никак не удастся проснуться раньше, чем она!

Напяливаю платье, привести в порядок волосы мне самой не удастся – косы надо сначала распутать, потом расчесать, потом снова заплести, тоска! – да ну, бабушка все равно за что-то поругает, так что отвечу за все разом.

Выбегаю из нашего корпуса «номер два» на асфальтовую дорожку – она спускается далеко вниз, к воротам, отсюда и не видно.

Ах, какое необыкновенное место этот Шови!

Мы в огромной чаше из гор, наряженных в мягкие бархатные накидки, а за ними, чуть подальше – другие горы, белые, с хрустальными вершинами. Все, что сделано людьми, кажется игрушечным: деревянные коттеджики, как спящие в колонне солдаты, все один в один, а справа – огромный ромашковый луг. И на нем пасутся лошади. Я сторожу их издали, чтобы покормить хлебом, но только подобрешься поближе – они срываются с места и скачут вдаль, задрвав хвосты.

А вражеский корпус «номер первый» – возле горы, чуть дальше от нас. Те, кто живут в корпусах – самые важные отдыхающие, и между первым и вторым – постоянное соперничество. Обитатели коттеджей – ни рыба ни мясо, так, сами по себе.

Шови – затерянный мир. Это, наверное, дальше, чем Москва! Хотя в Москву мы ехали трое суток на поезде, а сюда добрались за один день на машине, но какой же это был длинный день!

Дорога вилась и вилась вверх, всё уже и уже, с одной стороны в пропасти грохотала река с гигантскими бревнами выдранных сосен, с другой нависали скалы, и, переехав сто разных мостов, мы попали в Шови.

Машину останавливали через каждый поворот – так меня мутило.

Бабушки не видно.

– Дидэ! – кричу я. – Пошли пить железную воду!

Тут много источников, и у каждого – специальное название: есть йодовая вода, есть серная вода, есть вода «красоты» (ага, что-то я тут ни одной красавицы не вижу, – язвит сестра), а самая любимая – железная: она ледяная, с пузырьками и отдает ржавчиной.

– Люди спят, не ори во всю глотку, – раздается бабушкин голос. Она идет из душевой комнаты с тазиком выстиранного белья. – Вот встанут эти засони, позавтракаем и пойдем гулять. Только не вздумай жевать смолу!

Радужное настроение слегка омрачилось.

Столовая – это плата за все здешние удовольствия. Жужжание сотен голодных людей и запах, как в детском саду, грохот и чад, кастрюли размером с колодец и черпаки с мою голову – и кошмарная, кошмарная еда!

Все полудохлые городские дети в столовой ведут себя одинаково: кривят морды, завывают, плюются и даже срыгивают затолканное в них обратно. Бабушки-нянюшки тоже ведут себя все как одна, будто их натаскали в одном подразделении садистов: задавшись целью любой ценой вставить в детей пищу, идут на преступления против человечности – шантаж, подкуп, прямые и косвенные угрозы, и под конец – обессиленное таскание за уши и волосы.

– Я умру, если ты не съешь сейчас же, – тяжело дыша, зловеще уговаривает бабулька справа бледно-синего внука и тычет в рот ложкой. Тот мычит и рта не открывает, вцепившись в стул обеими руками.

А за столом слева угроза посерьезней:

– Ты умрешь, несчастная, если будешь питаться одним воздухом! – испепеляя взглядом тощую девчонку, насаждает мамаша с бриллиантовым крестиком между монументальных грудей.

– Сама же сказала, что тут главное – во-о-о-о-озду-у-у-у-ух, у-ы-ы-э-э-э-э! – рыдает вконец раздавленная девчонка.

Почему все угрозы связаны с чьей-то неизбежной смертью?!

Нашей бабушке не справиться сразу с тремя протестантами – не хотите есть, ходите голодные! Она говорит, что на воздухе аппетит рано или поздно приходит сам собой, и иногда соглашается с тем, что можно перебиться просто хлебом с маслом. Бабушке главное – чтобы мы ели фрукты, которые она тоннами покупает у местных крестьян. И у них же можно купить жвачку из сосновой смолы – она твердая, горькая до ужаса, но зато – отлично чистит зубы от микробов, как говорит бабушка.

Я пробую отодрать янтарную, божественно пахнущую смолу с дерева – будут у меня свои запасы жвачки!

– Смолу варят в молоке, а сразу с дерева в рот ее пихать нельзя, – отбирает у меня брат липкую добычу и тут же тайком сам пытается жевать.

Ах, да. Кроме столовой, есть еще кузены.

После Москвы они не стали меня любить больше, но с братом отношения еще кое-как наладились – бойцовские качества в его компании ценятся высоко, несмотря на мой вызывающий презрение возраст. Есть надежда, что сегодня я влезу в доверие, и меня возьмут в штаб – который планируется сделать внутри стога свежего сена на большом лугу.

А кухня, ставшая за пару лет барышней с прической Мирей Матье, по-прежнему за человека меня не держит. Все только и твердят, какая она умная и удивительная – с утра до ночи сидит, уткнувшись носом в книжки, музыкой занимается и на олимпиадах побеждает.

Куда мне до кузины?! У нее тонкие пальцы, походка балерины, неприступный вид и острый язык. Мальчики почтительно глазают на нее издалека и побаиваются даже поиграть с ней в бадминтон. А девочки ходят за ней хвостом и всё хором повторяют.

У меня все совсем не так. Я постоянно лохматая – как ни причесывает бабушка мои косы, – с ногами, разукрашенными болячками, и без признаков мозга в голове. Мало того – постоянно лезу к мальчикам, чтобы они взяли меня поиграть, а в одного из кузеновых приятелей даже влюбилась (он столичный, зовут Эдуард) и так ему надоела, что при моем появлении его сдувает ветром. С девочками дружба тут совсем не получается – они такие скучные и плаксивые, что лучше уж с бабушкой пойти постирать.

Единственное, что у меня есть завидного, – бабушка. Кузина уже много раз сквозь зубы цедила, что вот эту козявку бабушка любит больше всех и постоянно защищает, и что из меня вырастет, неизвестно!

Днем очень жарко, поэтому мы идем гулять в лес и там ищем грибы посреди влажного полумрака. За обедом повторяются утренние драмы, только с удвоенной мощью (почему людей кормят в жару огненной похлебкой из рыхлой капусты с запахом старой тряпки?!).

– Я вам грибов пожарю, – сдается бабушка. – Только хлеба захватите с собой побольше!

– Горбушки! – восторженно соглашаюсь я, пока кузены изображают тошноту и презрение к земной пище.

День разделен надвое тихим часом. В это время на весь Шови ложится дремотное стрекотание кузнечиков.

Когда жара схлынет – начинается настоящая жизнь: игра в разведчиков, кормежка диких лошадей хлебом, стук бадминтона, плетение венков из гигантских ромашек и под конец – сиреневые сумерки, от которых у меня начинается томление, и хочется смотреть на Эдуарда. Но мне строго-настрого запрещено подходить к компании кузена – хватит того, что днем бегала с донесениями в штаб.

Вечером после ужина (недоваренные куски престарелой коровы в полыхающем томатном соусе) в местном кинотеатре, к которому надо идти далеко вниз, к воротам санатория, крутят кино.

– Я не пойду, – сказала бабушка кузенам. – Что-то мне нездоровится, кажется, в слишком холодной воде стирала и простыла. Я полежу, а вы заберите ее, ладно?

Кузина поджала губы и свела густые брови.

– Осталась бы с бабушкой, тоже мне, светская львица, – язвит она, и ее свита хихикает. – Дали бы мне тебя на три дня – человеком бы тебя сделала!

Я мрачно отмалчиваюсь, потому что возразить нечего – к тому же за дерзость могу получить преобладающий щипок.

В зале темно, и публика роится, лишь бы занять свободное место. Сестра сажает меня поближе к дверям и наказывает никуда не двигаться, а сама исчезает. Вокруг – чужие люди, я совсем одна, никому не нужная, неинтересная растрепанная – и друзей у меня здесь нет. И пожалуй, мне тоже никто не нужен, к бабушке хочу!

Киножурнал прошел, и на экране начинается действие. Мрачно смотрю одним глазом.

Фильм, ясное дело, индийский. Название «Слоны – мои друзья» вызвало смутные воспоминания. Там был маленький мальчик, попавший в джунгли, и слоны, которые растили его как родного ребенка.

Господи, мне же папа пересказывал этот фильм! Я помню, что злые люди что-то сделали с добрым слоном, и я глотала соленые слезы и не спала полночи от горя! И сейчас заново переживать эту трагедию?! Я не могу – это выше моих сил.

Никем не замеченная, выскальзываю из зала.

Рыдательный фильм глухо бубнит за надежными дверями, перевожу дыхание.

Кругом безлюдный ночной пейзаж – все взрослые либо укладывают малышей спать, либо сидят в кино. Потоптавшись на крыльце, решаю идти – хоть и страшно. Тут бывают волки, рассказывали бывалые отдыхающие. Но оставаться у кинотеатра невозможно, душа моя рвется к бабушке, а попросить довести до корпуса некого.

И я обращаюсь к Тому, с Кем до сих пор контактировала при бабушкином посредничестве:

– Бог, – сжимаю я руки, – помоги мне добраться до дома! Пусть со мной ничего не случится!

Отец Небесный возлежит на облаке, и Его борода окутывает вершину. Он смотрит на лохматую девчонку посреди страшной тьмы, делает звезды поярче и со вздохом укладывается спать.

Я иду по дорожке вверх, не чуя ног, и меня глотает ночь. Главное – задрать голову и смотреть на звезды, и тогда все страхи бессильны, верхний свет держит меня и ведет, а шум реки и шорохи леса накатывают волной и останавливаются в полушаге, дыша в спину. Я в безопасном прозрачном шаре, в нем надо идти медленно и размеренно, чтобы не порвать тонкий слой защиты.

Медведи и волки, змеи и летучие мыши, пауки и вовсе неведомые человеку мохнатые твари сгрудились и пристально наблюдают за мной.

– Бог, – окликаю я время от времени, – бабушка говорит, что Ты поможешь, если сильно попросить!

Тот, Кого я беспокою, подпирает голову рукой и смотрит: все будет хорошо.

Дорога тянется целую вечность, как будто время потеряло деление на минуты и часы, и вместе с притупившимся страхом я ощущаю что-то новое – ведь я смогла сделать что-то очень смелое, совсем одна!

Вот и корпус, облитый голубоватым светом, иду по ступенькам, ныряю в тепло дома, и вот она – наша дверь!

Барабаню изо всех сил.

Никто не отзывается. Куда же делась бабушка?! Я сейчас умру от одиночества.

– Дидэ-э-э-э! – кричу я.

Наконец за дверью шуршание:

– Ты пришла?! Так рано? Что случилось? А где все?

– Я одна, – мгновенно успокаиваясь, ору я через дверь. – Открой, я спать хочу!

– Как же я открою, что за ребенок на мою голову, я же заперта! Чтобы меня не будить, дети же ключ забрали! Подожди там, я через балкон соседей попрошу...

Голос удаляется. В ожидании сажусь на пол возле двери. Бог взбивает облако получше и успокоенно уплывает по Своим делам.

Слышны перекрикивания, вскоре появляется сосед с ключами:

– Ну что, бандитка, осталась без крова?

Пробуем ключи. Подошли!

Вваливаюсь в нашу уютную норку – я вернулась живая с войны!

Меня поглотил милосердный сон, и я не слышала, как поздно ночью ворвались перепуганные насмерть кузены, потерявшие меня в кино и готовые покончить с собой от чувства вины – и с тем же пылом жаждущие разорвать меня на мелкие кусочки, и только бабушкина самоотверженность спасла нас всех от кровопролития.

Мы – команда

– Вали отсюда, – расвирепел кузен, когда увидел, что шалаш покосился.

– Мы его три дня строили! А все почему? Я слишком добрый, пожалел козавку. – И повернулся ко мне спиной.

Я медленно побрела в сторону корпуса. Сейчас самое время для игры – жара перестала бесноваться, и теплые травы запахи вечерней прохладой, по пути то и дело обхожу бадминтонщиков.

– Я сейчас играю, я! Моя очередь, вы обещали! – пищит девица в кружевах, и ей дают ракетку. Ну да, пару раз воланчик уронит, и – «вали отсюда», плавали, знаем. Меня уже не проведешь на мякине.

Вот где справедливость?! Шалаш я строила вместе со всеми – натаскала досок со всей округи, ободралась до крови об торчащие гвозди и от бабушки наполучала прикладного искусства за весь сезон оптом, и где благодарность?! Шалаш просел из-за того, что не надо было жадничать и из трех досок лепить пятиметровую комнату. Но им не объяснишь: надо меня выкинуть, мешаю – пожалуйста.

Если бабушке пожалуюсь, они меня окончательно сожрут, и в жизни больше никогда играть не возьмут. А я еще думала, что брат мне друг. При Эдуарде так меня унижить! О, Эдуард, не играть нам больше с тобою в разведчиков.

От обиды провожу ногтем по стоящей перед корпусом машине.

В песочнице играют девочки. В конце концов, я ведь тоже девочка, нет? Я могу играть в куклы? Могу. В деревне, собственно говоря, только с девочками и играю. Но просто так подойти, с пустыми руками – нет, потом фыркаться не оберешься. Надо хоть ведро принести, что ли.

– Эй, ты! – грубо окликнул меня мальчишеский голос. – Это ты папину машину поцарапала! Я видел!

Мальчишка не из нашей компании схватил меня за руку.

– Заплатишь за ремонт, поняла?

– Пусти! – перепугалась я. Никого из моих поблизости нет в помине. Бабушка ушла на источник с термосом, будет не скоро, а остальные – им не до меня. Да что за день такой!

– Ничего я не царапала! Я только потрогала, и все! – заорала я, пытаюсь вырваться, девочки в песочнице смотрели на меня, как на Джека Потрошителя.

Вот тебе и поиграла с девочками – теперь их мамы меня к ним на пушечный выстрел не подпустят.

– Пошли к отцу, он с тобой разберется, – дернул меня за руку мальчишка, на толстой шее блеснула золотая цепочка.

– Ты озверел? – раздался, как выстрел, голос моей кузины. – Она быстро шла к нам, держа в руках книгу. – Или тебе жить надоело? Руки убери! Сейчас мой брат придет, ты, бочка с говном, только маленьких девочек и можешь пугать, а вот с ним попробуй поговори!

Толстяк от неожиданности открыл рот и отпустил меня.

Не верится – сестра пришла меня защищать, и что она говорит, мамочки мои – уши сворачиваются! Бабушка слышала, интересно?

От возбуждения я завертела головой – кто-нибудь еще слышал? Бочка с... с говном. Надо запомнить.

Сестра стоит, подбоченясь, и смотрит на мальчишку с этим своим прищуром, от которого молоко скисает.

– Вон, смотри, бегут уже наши. Так что стой и думай, как будешь свою шкуру спасать!

– А чего мне спасать – она машину поцарапала! – порядком струхнув, мальчишка продолжал все-таки стоять на своем.

Подбежали наши – кузен с друзьями.

– И что он вякает? – уперевшись руками в колени, не мог отдышаться брат.

До меня дошло – кажется, у них свои старые счеты. Но это неважно, главное – они стоят за меня горой. В данный конкретный момент. Не верю, но молчу.

– Так, – надменно сказала сестра, – показывай, что там за царапина.

Мы подошли к машине, на крыле в самом деле длинная серебристая царапина. Я перепугалась еще раз – так, сейчас окажется, что я кругом виновата!

– Нет, ты идиот все-таки, – покачала головой кузина. – Мои ногти видишь?

И показала длинные тонкие пальцы с блестящими ногтями.

– Ну и что? – презрительно спросил обидчик, я в это время напряженно хлюпала носом.

Кузина наклонилась и провела ногтем по машине.

– Ну? И где царапина?

Все вперлись взглядами в указанное место: там было чисто.

– А у нее откуда могут быть такие ногти, чтобы пропороть железо, а?!

– А я знаю, может, она гвоздем сделала!

– Тогда покажи орудие преступления!

– А она, наверное, выбросила!

– А ты найди – сказал же, что видел!

– Да тут в траве фиг чего найдешь, чего это я искать буду!

Все зашумели.

– Ты ври, да не завирайся, а то кирпичом по башке получишь, а мы скажем, что так и было! – наседал кузен.

Мальчишка с позором бежал.

– Еще тебя поблизости увидим – не обрадуешься! – орали наши ему вслед и свистели.

Потом кузены посмотрели на меня. Я стояла с косичками одна выше другой, мокрым носом и переполненным благодарностью сердцем.

– Пошли уже, дурень, – сказала кузина и взяла меня за руку.

– Вот наглый жирдяй, – буркнул кузен и дал мне щелбана в лоб.

Может, завтра они все-таки возьмут меня адъютантом, а?

Бабушке мы о происшествии не рассказывали.

Рача

У моих кузенов была еще и своя собственная бабушка – Луба-бебо⁴, которая жила совсем в другой деревне. Иногда Луба приезжала в гости, и две бабушки встречали друг друга с таким восторгом, как будто ближе и роднее в целом свете у них никого не было.

– Сватья, моя хорошая, моя золотая, с приездом! – раскрывала объятия моя бабушка.

Луба-бебо не отставала:

– Боже, Боже, что за свекровь у моей дочери, пусть у завистников глаза ослепнут!

Перед сном бабушка комментировала:

– Ну еще бы, у них в Раче такие гром-бабы, не приведи Господь, не свекрови, а кровопийцы! Конечно, где им найти такую, как я!

– Почему кровопийцы? – озадачивалась я. – Тетя смотри, какая нежная, она разве не рачинка?

– Исключения бывают из всех правил, и слава богу, – туманно объясняла бабушка.

Для детального изучения нравов Рачи мы однажды летом по приглашению Лубы-бебо поехали к ней в гости.

– Наша деревня в Раче лучше здешней, – доставали меня заранее кузены. – Тут дожди идут все время, и на речку идти за километр! А там... – И закатывали глаза.

Я запальчиво спорила, что лучше нашей деревни быть не может вообще ничего, так что пусть они уезжают к себе. Но проверить все равно было любопытно.

Бабушка набрала столько сумок, что не могла за один раз взять их все в руки, и, когда поздней ночью автобус оставил нас на освещенной лунным светом дороге, поругала собственное тщеславие:

– Едешь с ребенком, старуха, куда столько груза берешь!

Автобус уехал, смолк шум мотора, и вдруг на нас навалилась тихая ночь в горах. Луна приблизилась всем лицом, заливая стеклянным светом землю, и шелестели деревья, свивая клубок теней под ногами.

Сельская дорога шла в гору и делала крутые повороты. Ночной ветер провожал нас вкрадчивым поглаживанием щек, деревенские собаки недоуменно взлаивали и передавали дальше весть о незнакомых путниках, а мы передвигались медленно: бабушка брала две чугунной тяжести сумки и шла вперед, я садилась на две оставшиеся и дремала, мечтая о теплой постели.

Бабушка ставила под деревом свой груз и возвращалась за мной – теперь мы шли вместе, минуту бабушка отдыхала, потом снова брала свои сумки и уходила вперед, а я, подрагивая, садилась ждать ее в лунном свете, и так мы шли целую вечность. Казалось, эта ночь никогда не кончится, и эта дорога не перестанет бесконечно поворачивать вверх, и я проведу остаток жизни в полусне посреди лунного света.

Но все когда-нибудь заканчивается, и я уже не скажу с уверенностью, когда именно мы пристали к воротам, и Луба-бебо вышла с лампой, и причитала – как можно было ее не предупредить, она бы встретила, и бедный ребенок спит на ходу, и давайте я ужин разогрею, и зачем ты везла столько продуктов, сватья, как тебе не стыдно, мы тут и сами не голодные...

– Смотри, какие у них тут дворы красивые, – одобрительно сказала бабушка утром.

Поросший травой двор был обсажен ореховыми деревьями.

– А дом совсем не такой, как у нас, – поддакнула я.

Дом был наполовину каменный, наполовину деревянный, с ажурными перилами на веранде.

– Хороший домик, – оценила бабушка, – только у нас дерево быстро сгниет от дождей.

---

⁴ Бебо, бебия – бабушка, бебо – звательный падеж (*груз.*).

Бабушки ушли разбирать сумки, а я отправилась изучать окрестности и наткнулась на цыплят.

– Кр-р-р-р, – сказала наседка и покосилась на меня из-под свисающего гребешка.

Внезапно мою ногу что-то ужалило.

– Ай! – На меня надвигался огромный, как бегемот, отец пушистых крошек, белый петух.

Собака меня уже кусала, но петух?! О ужас! Монстры! В этом чужом месте петухи злые, как собаки! Заорав: «Дидэ-э-э-э!» – я дала деру. Петух издал боевой рык и понесся следом, время от времени взмывая в воздух и вырывая из меня куски мяса.

Обе бабушки с клекотом вылетели на веранду, но мы с петухом успели преодолеть этот участок трассы и неслись с противоположной стороны дома.

– Луба! Луба, сделай что-нибудь! Зачем ты этого людоеда держишь во дворе?! – запримечивала моя бабушка.

– Да в жизни он никого не трогал! – встала грудью за своего петуха Луба-бебо.

– Да открой глаза, посмотри, что он с ребенком делает! Стой, стой, чтобы ты сдох у своего хозяина, я его перехвачу!

Пока бабушки бежали спасать меня, мы с петухом сделали очередной круг и продолжали смертельную схватку со стороны веранды.

Эта свистопляска могла бы продолжаться до тех пор, пока петух не обклевал бы меня до костей, но более хладнокровная Луба-бебо, хорошо знакомая с нравами своего питомца, осталась стоять на месте и встретила кортеж с топором в руках.

– Не плачь! Не плачь, маленькая, – утешала меня Луба-бебо, держа злодея за крылья, – мы ему отомстим! Мы ему башку откроем и съедем!!

Петух злобно косил красным глазом и издавал леденящие душу звуки, а я от переживаний начала икать.

– Может, не надо ему башку крутить? – вступилась я за обидчика. – Дети сиротками останутся!

– Он мне давно уже надоел, – неожиданно выдала себя Луба. – Хоть пиши на воротах: «Во дворе злой петух!» Какие еще сиротки, у меня вон приличный куриный отец подрос.

– Впервые вижу такого ненормального рачинского мужчину, – удивлялась бабушка, делая примочки на мои раны. – Они же у вас тут добрые! Безобидные! И медли-и-и-ительные!

– Овца-то овца, а если разозлится – даст молодца, – выдала пословицу Луба-бебо, оципывая злодея в дымящейся кастрюле. – Хотя мне этого петуха привезли из Сванетии, так что лютый норов у него был явно не рачинский!

– Зато женщины тутошние – не промах, – невинно подметила бабушка.

Вскоре приехали дядя и тетя с кузенами, и жизнь понеслась галопом. Каждый вечер во дворе под ореховыми деревьями закатывалась пирушка – на дощатом столе раскладывали лобиани⁵, лори⁶, мчади⁷, зелень и обязательно наливали из оплетенной бутылки рубиновое вино «Хванчкару». Приходили соседи, чокались стаканчиками, разламывали лепешки и хрустко закусывали веточками зелени, гудел неспешный разговор, тамада говорил красивые тосты, похожие на рассказанный сон.

Бабушка тоже смаковала по одному стаканчику:

– Это целебный бальзам, а не вино, Луба!

– Только его много пить нельзя, а то кровь загустеет, – предупредила Луба-бебо.

– А мне попробовать, – пристала я к бабушке, и та дала отпить глоток.

– Что-то я и вкуса не поняла, – потянулась я еще.

– Детям нельзя, – хором сказали бабушки.

– Я сколько хочешь его пил, знаешь, как вкусно, – похвастался кузен. Я посмотрела исподлобья: ему можно, а мне – нельзя.

Теперь у меня появилась заветная цель, и я сторожила в засаде удобный момент.

Он приплыл мне в руки очень скоро.

После очередной пирушки все винные остатки слили в большой стакан. Взрослые толпились у ворот, договаривая последние разговоры; забытые тарелки горой высились на столе; вислоухая собака догрызала в траве кость. Я, недолго думая, схватила стакан и залпом выпила весь рубиновый напиток до дна – наконец терпкий шершавый вкус «Хванчкары», отдающий вишней и зеленой ореховой кожурой, раскрылся во всей красе!

– Эй, эй, ты что?! Его нельзя много пить! – прокричал неизвестно откуда появившийся кузен.

Ноги налились тяжестью, а голова разрослась до размеров колокольни. Кузен что-то мне выговаривал, и его лицо шло волнами. Ореховые деревья закрутились зонтиками карусели, и я мягко осела в траву.

– Тут знаете сколько вина было! – возбужденно объяснял взрослым кузен.

– Убей меня, Господи, с ней ничего не будет? – причитала бабушка.

– Фати, это вино я своими руками отжимала, – уверяла Луба-бебо. – Ну, пошатает денек, зато крови прибавится!

Штало меня даже в постели, точь-в-точь как в Батуми на волнах – весь дом плавно взмывал и опадал, и происходящее доходило до меня как сквозь толщу воды.

– Ну что, пьяница? – встретил меня утром кузен: после моего геройства за вином ввели строжайшее наблюдение, и ему так и не удалось меня переплюнуть.

– Дидэ, – предложила я, – а если тебе жить вместе с Лубой?

– Зачем это? – изумилась бабушка.

---

⁵ Лобиани – лепешки с начинкой из фасоли.

⁶ Лори – ветчина домашнего приготовления.

⁷ Мчади – лепешки из кукурузной муки.

– Ну, тут смотри как хорошо – виноградник есть, и марани⁸ есть, и там – видела? – крышку снимают прямо с земли, а внутри кувшин! И полно вина!

– Я смотрю, ты в отца пошла – ценитель вина, – иронически отозвалась бабушка. – Мне свой дом нужен, на своей земле. А виноградник тут правда хороший, у нас таких нет.

Ровные ряды лозы начинались сразу за домом.

– Я тебе покажу, как надо правильно виноград есть, – сказал кузен.

Он сел на землю и стал обирать губами виноградины прямо с ветки, без рук!

– Я тоже так хочу! – обрадовалась я и села под самую большую гроздь. Солнце светило сквозь прозрачные ягоды, они были теплыми и лопались с тугим звуком.

– Вы с ума сошли? – всполошилась Луба-бебо. – Его немытым есть нельзя, он же опрысканный!

Взрослые всегда найдут червя в яблоке и пятна на Солнце!

Самое же ошеломительное в Раче то, что сразу за виноградником, под склоном, текла речка – как положено, ледяная и быстрая. Выше нашего участка она шла поверху, а потом лилась широким водопадом в небольшой природный бассейн. Это было самое восхитительное купание на свете!

– Я же говорил – холодно, – давил на меня кузен, но мне было все равно – надо было успеть накупаться вдоволь, пока бабушка не увидела посиневшие губы.

Дядя расширил природный водоем, и теперь большой камень оказался в центре бассейна: он раскалялся на солнце и согревал наши продрогшие в ледяной воде тушки, чтобы снова отпустить под струи водопада.

– Мне бы домик хоть в половину Лубинового, – с непонятной грустью вздохнула бабушка на мои восторженные рассуждения. На всякий случай я обхватила ее за шею и сильно-сильно стиснула.

---

⁸ Марани – винный погреб в грузинском крестьянском доме, выглядит как помещение с закопанными в землю большими глиняными кувшинами – квеври, в которых хранится вино (*груз.*).

Другие и я

Ужасно, ужасно много в мире людей, а среди них есть – я.

Людей в мире много – я видела по телевизору, они бывают очень разные, не знаю, настоящие они или нет, но и вокруг тоже много – соседи, прохожие на улице, еще на пляже – когда мы с бабушкой ходим на море, еще дети в саду, потом – очень много разных людей в деревне, и по пути туда – на вокзале, и в автобусах, и на базаре еще бывает много. Они почти никогда не повторяются, особенно если в новых местах.

Но я от них отличаюсь. От всех. Даже от бабушки. Потому что я единственный человек, который может сказать обо мне – Я.

Это надо понять, что такое – Я. Очень сложно понять, я напряженно стараюсь, и в самом конце догадка уплывает, скользнув по пальцам, как мальки в нашей ледяной речке, когда ты их уже поймал в ладошку.

Попробую еще раз.

– А что было, когда меня не было? – спрашиваю я у бабушки.

Мы лущим кукурузу – полный початок в одной руке, в другой – голая сухая сердцевина, ею надо проводить по стройным рядам белых зерен, и те с шумом осыпаются в бабушкин подол.

– Что было – все было, – отвечает бабушка. – Только тебя не было, а так – жили себе и жили.

– Ну, а я где была? – допытываюсь я, потому что кто-то же должен дать мне знание – как это, когда меня – нет?!

Я вижу других людей – они все отдельно, а я – отдельно. Я – не они. Интересно, каждый из них думает про себя то же, что и я? Главное отличие Я от других, что я не могу увидеть меня, моего лица. А ведь это так интересно – вот толпа, и я среди них, и я себя вижу, как другого. Как я выгляжу со всех сторон? Раз я не вижу себя среди других, значит, сравнить невозможно.

Все-таки я упорно стараюсь увидеть себя без зеркала.

Если немного прикрыть веки – вижу ресницы, они у меня прямые и скошены книзу, если скосить глаза – вижу нос, и губы – если их вытянуть трубочкой.

Но глаз своих без отражения в чем-то другом не увидишь никогда.

Мои глаза смотрят изнутри наружу. И внутри кто-то есть, и этот кто-то – я. Это мое тело, и в нем что-то еще внутри. Там происходит что-то, что чувствую, знаю, думаю только я и больше никто. Это немного страшно – как будто ты закрыт в маленькой тесной комнате, и много-много лет, долго, а скорее всего – вечно – будешь там один.

Я чувствую запах воды. Он всегда разный, а мне говорят, что я выдумываю, чтобы обратить на себя внимание, и что вода пахнуть не может! Ну, море да, пахнет. А река не пахнет!

И нюхают мокрыми носами, и ничего не чувствуют, и злятся на меня, а я вдыхаю прозрачный голубоватый запах воды и важно отмалчиваюсь. Я даже отличаю по запаху разную воду: наша из крана – слегка отдает талым снегом, из родника – как будто мятная на вкус, а в бабушкиной деревне – пахнет огурцами. Это мое личное свойство, больше ни у кого его нет.

А моя сестра, например, очень хорошо рисует красками. Это только кажется, что любой сможет – я попробовала, потом два часа отмывалась, а на листе – страшно смотреть, что получилось. У сестры же получается такое, что не можешь понять, как это сделал человек – ведь только что этого не было!

А вот бабушка чувствует что-то такое, на что я бы внимания не тратила. Она знает все про страхи – чего нельзя делать.

– Не коси глазами, так и останешься! – ругается бабушка. – Девушка не должна столько гримасничать – морщины рано появятся. Ты что, обезьяна?! А ну-ка выровняй глаза, неслух! Чтобы у твоего врага были косые глаза!

– Ба, а что плохого в морщинах? У тебя же есть, они такие симпатичные – когда дождь идет, капли по ним стекают, как по бороздкам.

– Ну вот откуда у тебя эти дурацкие мысли, сколько я вырастила детей, ни один столько не говорил, да еще столько глупостей! Да девушка должна даже спать без подушки и лицом вверх, чтобы лицо было гладкое...

Ну, все, если бабушка завелась, это надолго.

Вот вчера я продиралась через лимонные деревья, а они колючие – на колене длинная царапина. Я это почувствовала, было больно, но не очень. И потом бабушка мыла мне ногу хозяйственным мылом под краном, и щипало – только у меня.

А бабушка, хоть она была так близко ко мне и трогала меня руками, она не чувствует моей царапины. Она чувствует мой запах, она может узнать мою кожу, она только не родила меня, а так – знает лучше всех. Она всегда кричит и ругается, если я поранюсь, это потому, что она за меня боится, но ведь она не чувствует по-настоящему, если мне больно, и не может стать мной!

Впрочем, она и свои болячки не чувствует. Недавно резала что-то ножом и срезала себе полпалец – хоть бы пикнула!

Я только увидела, как кровь хлещет. Бабушка деловито промыла под краном рану, вернула кусок кожи на место, плотно залепила пластырем и подняла руку наверх. И даже бровью не повела.

Я завывала от собственного воображения – как же это больно!

– А наверх руку зачем? От этого меньше болит? Ба, больно, да? – между вытьем спросила я.

– Больно? Разве это больно, что ты понимаешь. Больно – совсем не это, – спокойно сказала бабушка. – Руку наверх – чтобы кровь оттекла.

А еще бабушка хватает горячие кастрюли и сковородки без ничего, голыми руками, и потом швыряет их на стол, и этими ошпаренными пальцами трогает себя за уши.

– Ба, а зачем ты уши трогаешь?

– Попробуй горячее взять, только очень быстро, а потом приложи пальцы к мочке, увидишь, – как ни в чем не бывало, объясняет бабушка.

Я немедленно берусь за черный бок покоцанной сковородки и, раскрыв рот и глаза на максимальную ширину, хватаюсь за мочки.

И жар перетекает в прохладу мягкого ушка.

Бабушка немного волшебница. Я потом про это еще расскажу, что она умеет делать.

Еще она засыпает раньше меня, и я этого очень не люблю. Как будто весь мир меня оставил и ушел, поэтому я расталкиваю бабушку, а она спросонья пугается и ворчит.

Шрам на ноге

Обычный летний день в деревне.

Жара, тишина с монотонным куриным «ко-ко-ко-ко-о-о-о-о-о», собака спит и вздыхает, деревья шумят, бабушка возится на кухне, папа на работе – скучно.

Энергия жмет в ребрах.

Некоторое время прыгаю на пружинной кровати, стараясь стукнуться головой об потолок – не получается.

– Кому сказала – прекрати! Сколько детей вырастила – такой ненормальной еще не было! Только лишай вылечила, сейчас не хватало еще ноги переломать! Я все слышу – сойди с кровати!

Я на время затихаю и сажусь возле окна – смотреть на полоску моря вдалеке.

Лишай меня не очень беспокоил, не понимаю, чего они все так всполошились – даже поехали куда-то на болото рвать специальную траву череду. Бабушка ее заварила, и потом я сидела по вечерам в своем тазике и плескалась, а папа сказал, что я уже здоровая кобыла, вон – в тазике еле помещаюсь.

Окрест не видно ни души, как будто все люди вымерли, и собаки, и коровы, только шелест веток груши возле окна, да возле ворот слегка покачивает жесткими ремнями-листьями драцена.

Хорошо бы надрать этих листьев, да нарвать из них тонких полос, и потом сплести себе пояс для лука и стрел. Но бабушка сказала – только тронь драцену, она мне для подвязки помидоров и лобию нужна!

Иногда ветер взметывает простыни, и они хлопают, слепя глаза белоснежными боками, потом опадают, и после – вдвое тише.

Скучно.

Энергия распирает и требует выхода.

Никого не видно – куда все дети-то подевались?

– Ба-а-а-а, – начинаю я зудеть, – а когда мы на речку пойдем?

– Еще не хватало солнечный удар получить. Да одну куда я тебя отпущу? Забыла, как ты ногу порезала на берегу? Отец тебя на своем горбу притащил домой, кровь хлестала – еле остановили подорожником. Посиди немножко, что за ребенок, откуда ты взялась на мою голову?

Сажу.

Жарко.

Скучно.

Во дворе тоже скучно и жарко, захожу обратно. Шлепаю босиком по свежепомытому полу – шлепки звонкие, но это развлечение на пять минут.

Энергия добралась до черепушки и распирает ее изнутри, как веселящий газ.

Осматриваю обстановку – вот диван, а вот шкаф: что-то я с ними еще ничего не делала.

Забираюсь на шкаф – там слой пыли и старые игральные карты. Я умею играть в «свинью», в «туалет» и «фурт», но сейчас не с кем, да и колода неполная, зачем я их трогала – только в пыли выпачкалась.

Стукаюсь затылком об потолок – не больно, но стоять неудобно.

Смотрю вниз – высоко! Не раздумывая, спрыгиваю на диван. Он шепотом взвизгнул и покачал меня на жестких пружинах.

О! Отличное ощущение – высоко и страшно. Здорово, что я такая ловкая! Живот слегка скрутило – этого мне и надо! Не так, конечно, как я прыгала со второго этажа на кучку песка, пока бабушка ушла в нижний огород, но тоже ничего.

Упоительное ощущение надо повторить.

Повторяю.

Диван жалобно крикает, но молчит.

Бабушка, позвякивая посудой, примолкла и на всякий случай предупредила:

– Если что-то себе повредишь – не вздумай выть, а то приду и добавлю.

Мне так весело, что я влезаю на шкаф уже на скорость: стул, ногой на полку, подтянуться, животом на деревяшку – всё!

Прыгаю.

Диван грозно хрюкнул.

– Что-то мне не нравится, что ты там тихо сидишь. Подожди, дай-ка белье повешу и доберусь до тебя, намотаю твои косы на руку...

Голос слышится издали – бабушка унесла тазик с бельем, я еще раз взбираюсь на шкаф, внимание ослабевает, я прыгаю и обдираю ногу о деревянный подлокотник.

Диван отомщен! Подлый и гнусный предатель!

От боли – искры в глазах и жужжит в голове.

Валюсь набок и закусываю руку, чтоб не орать.

Боюсь посмотреть – что же там с ногой?

Все-таки смотрю – на ноге болтается лоскут кожи, а под ней – что-то белое.

Кость, что ли?!

– Вот я сейчас приду и посмотрю, что ты там натворила, – приближается бабушкин голос, я наспех разглаживаю пальцами кожу обратно на ногу.

– Это что такое?!

– Ба, мне не больно совсем, – быстро говорю я и закрываю рану руками.

– Покажи. Покажи, змееныш, что ты сделала!

Бабушка внимательно смотрит на рану – почему-то даже крови нет, просто нога синяя.

Дальше она молчит, потом набирает воздуха и начинает причитать:

– Смерть моя, – говорит она вполголоса, но так страшно, что лучше бы кричала, – смерть моя и не проснуться завтрашним утром! Джандаба⁹!

Причитания ее я знаю наизусть – они уже устоялись и отлились в форму корсиканской баллады: тут перечислены все ее беды за всю жизнь, надежды на спокойную старость и горькое разочарование от последней внучки, которая отравила ей эти надежды.

Я покорно внимаю, а сама припоминаю все, что бабушка рассказывала про мамино детство, и ничего особо криминального в своем поведении не вижу.

Нога обработана, перевязана, баллада спета, день окончен, папа пришел и выслушал отчет о моих прегрешениях, небо усыпано огромными звездами, темнота прикрывает оркестр кузнечиков.

– Господи, пусть этот ребенок вырастет, дай мне сдать его на руки матери живой и здоровой, – молится бабушка своему глуховатому, но в целом отзывчивому Богу перед сном.

Я виновато молчу – нога уже не болит.

– Тебя на третий день из дома выгонят, задницей дверь откроешь, – привычно обещает бабушка, пока я обнимаю ее всеми конечностями.

– Кто выгонит? Мама?

– Свекровь! Когда замуж выйдешь, – свирепеет бабушка. – Или муж, еще вернее.

– За что? – искренне удивляюсь я. – За то, что нога ободранная?

– И за это в том числе. Молчи уже, – стучает бабушка меня напоследок. Звезды светят в окошко, трещат сверчки, папа храпит, собака перелаивается с товарами.

Счастье медленно закрывает глаза и засыпает до утра.

---

⁹ Джандаба – мифическое название условно очень далекого места, что-то вроде тридесятого царства, употребляется в смысле – «преисподняя, проклятье, тысяча чертей».

– Это что за восклицательный знак у тебя на ноге? – сочувственно спросил молодожен много лет спустя. – Не могли тебе родители пластическую операцию сделать?

– На мозг пластику не делают, – обиделась я. – Зато у меня на всю жизнь – особая примета.

Звезды почему-то светят совсем по-другому.

Грузинские похороны

– Посидишь пару часов у соседей, – озабоченно сказала мама.
– Не-е-е-ет, я хочу с вами, – в который раз пробубнила я с распухшим от слез носом.
– Ну мы же по делу едем! – рассерженно воскликнула мама. – Это вообще не для детей, тебе там делать нечего! Ну скажи хоть ты ей!

Бабушка, одетая с иголочки, гладила свою черную шифоновую накидку.

– Она меня послушает, как раз, ага, – отозвалась она.

– Я тебе сейчас объясню, – приступила мама задушевым тоном. – Мы едем на похороны. Это не самое приятное мероприятие, ты еще маленькая, что там интересного?!

Я в общих чертах знаю, что люди стареют и умирают.

– Ну и поеду, а что здесь такого, – храбро сказала я.

– Пусть едет, – пожала плечами бабушка. – В конце концов деревенские дети в обмороки не падают и ко всему привыкают, а наши что-то чересчур нежные.

– Не знаю, не знаю, хотя – рано или поздно ей надо узнать и эту сторону жизни, – как бы убеждала себя мама, расчесывая мне волосы.

Бабушка одета в свой выходной костюмчик, но в этот раз шифоновый шарф закрывает все лицо.

– Зачем ты лицо закрыла? – пытаюсь я убрать накидку, но бабушка неожиданно оказывает сопротивление.

– Не бойся, – ласково погладила меня по спине мама, – ты же видела – пожилые женщины почти все так ходят.

– Почему? – недовольно спросила я. – Так страшно – как будто колдунья!

– Потому что черное – цвет траура, – терпеливо объяснила мама. – Если кто-то в семье умирает – не дай бог, за девять гор от нас, – то люди выражают таким образом свою скорбь.

Мы приехали в незнакомый деревенский двор, и уже издали стали слышны странные тревожные звуки.

Мама сжала мне руку, бабушка вытащила платочек и спрятала за манжету.

– А почему там люди кричат? – вытаращив глаза, спросила я.

– Это так принято, чтобы оплакать усопшего, – слегка побледнев, объяснила мама.

Бабушка судорожно передохнула:

– Дикость, если меня спросить. Человек жил долго, прожил достаточно, все видел, всего дождался – и детей, и внуков, ну так и отпустите его с миром! И орут, и орут, обычай у нас такой, видите ли. А когда молодой умирает, тогда как его оплакать?

Мама молча приобняла бабушку. Что-то между ними было такое, чего я не понимала, и мне туда вход был закрыт. Я прислонилась к маме, от меня словно уходило тепло.

– Ты сильно не переживай, это они просто так орут, чтобы потом люди не сказали – плохо плакали, – блестя чуть повлажневшими глазами, сказала мама.

Множество небритых мужчин стояли на лестнице и величаво приветствовали входящих. Ближе ко входу громкость воплей усилилась и стала непереносимой. Оттуда вышла, поддерживаемая с двух сторон, женщина в светлой одежде – она истерически всхлипывала.

– Люда, успокойся, иди на кухню, вниз, там холодной воды тебе дадут, – громким театральным шепотом сказала женщина из поддержки.

Люда пошла вниз, вздыхая и икая.

– Это кто? – удивилась бабушка.

– Да наша украинская невестка, Гурама жена, – довольно сказала женщина-поддержка. – Сначала я думала – вот беспородная, в белом пришла, а потом вижу – как зальется слезами! Молодец, не хуже наших женщин!

От криков и зрелища повального горя у меня защипало в глазах и перехватило в горле.

– А это твоя младшая? – умилилась женщина-поддержка. – Как выросла! И плачет, смотри! А она-то чего?

Мама с бабушкой разом посмотрели на меня.

– Ну вот, я так и знала, – расстроилась мама. – Давай ты тоже вниз иди, там, наверное, детей полно! Посиди, я быстро за тобой приду!

От ужаса, что надо идти в какое-то непонятное «вниз», одной, к незнакомым людям, я вцепилась в маму двумя руками.

– Пусть идет с нами, – вздохнула бабушка. – Лучше пусть войдет и увидит, а то будет мучиться еще хуже – что же там такое было.

В большом зале лежала длинная коробка с человеком. С двух сторон стояли стулья – как в театре, и сидели женщины в черном, все как одна заплаканные.

– Ты не думай, они притворяются, – прошептала мне на ухо мама.

При виде нас женщины прибавили звука и заголосили так, что у меня заложило уши. Бабушка прошла к коробке, ей принесли стул, и она села на него, выпрямив спину.

А ведь тут ничего такого страшного нет, и чего мама с бабушкой так боялись меня вести?

– Надо обойти, – дернула меня за руку мама, и мы пошли. Скосив глаз, я увидела лежащего в коробке старого человека.

– Он спит? – спросила я торопливо.

– Молчи, – еле процедила мама, усаживаясь на стул в переднем ряду.

– Покажи, покажи дочку, – зешелестели женщины со всех сторон.

Мама мельком улыбнулась.

– В школу еще не ходит? – шумно дыша и вытирая платком красное лицо, заулыбалась тучная тетка сзади.

– В этом году идет, – шепотом ответила мама. – Шла бы ты вниз все-таки, тут же оглохнуть можно.

Как раз в это время возле коробки заливалась слезами очередная плакальщица.

– Ладно, пойду, – буркнула я, всеобщее липучее внимание было еще хуже, чем остаться одной.

Внизу в просторной кухне сидела со стаканом воды давешняя украинская невестка и облегченно вздыхала.

– Я ж такого никогда не слышала, – говорила она женщине в фартуке. – И покойника, царствие ему небесное, не знала, муж меня повез – так положено, говорит, это ж дядя нашей соседки! Откуда ж я знала, что надо черное надевать! А потом они тут как завоют! Не, у нас тоже плачут, конечно, но тут мне как-то не в то ухо попало, аж по нерву стукнуло, и у меня слезы как потекли! Остановиться не могу!

Женщина в фартуке беззвучно посмеялась.

– Тебе тоже воды? – спросила она меня. – Я уж не спрашиваю, чья. Тут детей столько – они все на заднем дворе играют, хочешь, иди к ним?

Я помотала головой.

– Ты тоже не пришей кобыле хвост? – спросила меня украинская невестка. – Ох, скорей бы домой, я и не засну сегодня!

Чего они все переживают?

– А что с ним сделают? – вдруг вырвался у меня вопрос.

– С кем, с покойным? Похоронят. В смысле – в землю закопают, – объяснила украинка, изображая руками для пущей наглядности.

Я представила себе, как человека в коробке кладут в яму и засыпают землей. Наверху светит солнце, зеленеют деревья, сияет небо, и все радуются, а он – лежит себе и лежит.

– Все там будем, – вздохнула, пригорюнившись, украинка.

Как все? И я тоже?! И... мама? И бабушка?!

– Ну всё, пошли, – мамин голос вернул меня к жизни. – Спасибо, Циала, что за моей дочкой присмотрела!

Пока взрослые прощались, я приплясывала от нетерпения, так хотелось поскорее уехать домой. В машине я сорвала с бабушки ненавистную шаль.

– Уфф, чуть не задохнулась, так жарко было, – не сопротивлялась она.

Уже стемнело, машина шла ровно и убаюкивала, мама с бабушкой переговаривались почти неслышными воркующими голосами, а я слушала их, лежа у одной на коленях и приложив ухо к животу другой. Они пахли чем-то сухим, чужим и печальным.

– Когда домой зайдем, руки не забудьте вымыть с мылом, – напомнила бабушка.

– А я видела – у этого покойника все зубы железные! – внезапно вспомнила я.

Все замолкли.

– Не верите? – приподнялась я. – Верхние – золотые, нижние – серебряные!

– Это не серебряные, кто ж из серебра зубы делает, – отозвался папа из-за руля. – Железные!

– Ба, покажи зубы, – полезла я к бабушке.

– Отстань, девчонка! – Бабушка, отмахиваясь одной рукой, прикрывает другой рот. – У меня нормальные зубы, вставные! Только белые!

Все с облегчением расхохотались.

Мы никогда не умрем.

Тейка

– Ты стала тетей! – торжественно объявили мне дома.

Мне шесть лет, и слово «тетя» я понимаю так: это уютная пухлая женщина с вкусными хачапури и трубочками с заварным кремом. Какое отношение я могу иметь к этому, кроме отменного аппетита?!

Однако мне хватило ума понять, что известие сулит большие перемены. В этот год мне и без того досталось по полной программе: во-первых, сестра убежала замуж.

Мы приехали из Шови, встречать нас высыпала вся семья, а сестры – не видно.

– Дуда где? – спросила я.

Мама сделала вид, что не расслышала, и продолжила говорить с бабушкой, а брат сказал, что сестра убежала.

Это была громоподобная шокирующая новость. Убежала! Мне представилась сестра с котомкой, выбегающая ночью в грозу и ураган и идущая по пустой дороге в неизвестность, одинокая и беззащитная.

Я долго плакала и говорила, что они с ней плохо обращались, потому она и убежала!

– Ты чего, – успокаивала меня мама. – Это так просто называется, когда девушки замуж выходят! Они с женихом купили билеты на самолет и полетели, а мне заранее сказали, чтобы я не волновалась. Это сейчас мода такая, будь она неладна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.